Когда нет выбора

Автор:
Ольга Гусейнова

Когда нет выбора

Ольга Вадимовна Гусейнова

Другие Миры (АСТ)

Прекрасной Даме всегда угрожает какая-нибудь опасность, а Белый Рыцарь стремится ей на помощь… Но такое случается только в старых добрых сказках! А в далекой галактике Такран девушке приходится самой о себе позаботиться в случае смертельной опасности, для чего ей совсем не обязательно быть прекрасной. Мало того – необходимо кардинально маскировать внешность и поступать на службу к этому самому «рыцарю», который ни о чем не догадывается, обманывать и жить по… ощущениям.

Однако загадочные работодатели – представители закрытой расы – тоже скрывают лица, хотя и по другой причине. Еще они странно относятся к женщинам – не то чтобы не любят, но точно побаиваются и в любовь не верят. А зря! Потому что в старой доброй сказке лягушка сбрасывает шкурку, и тогда…

Ольга Гусейнова

Когда нет выбора

© О. Гусейнова, 2016

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Пролог

– Малех, прорубай еще на два метра вниз и чуть правее. Сканер показывает, что там есть полость, а за ней странное затемнение. Большой протяженности…

Высокий массивный мужчина, сидя на складном кресле перед многофункциональной установкой, внимательно следил за красной точкой, медленно движущейся по темному экрану компитеха. В ответ на его замечание из динамиков раздался другой приглушенный мужской голос:

– Странно! Этирей, здесь стена из отрино – боюсь, бур не выдержит и сломается.

Этирей Коба даже привстал от нетерпения. Навис над компитехом, вглядываясь в экран, на котором было сразу несколько изображений: топосъемка поверхности того участка, где они сейчас находились с другом, голографический срез слоев на тысячу метров вглубь, выполненный сканером компитеха с помощью лазерного точечного бурения. И изображение с камеры буровой установки, в которой сейчас находился его коллега Малех Визар.

– Я вижу, она отличается по плотности, но обойти не получится, Малех. Стена из отрино имеет слишком большую протяженность, судя по данным сканера. Причем как в вертикальном направлении, так и в горизонтальном. Сканер не видит границ, значит, размеры…

– Тогда я попробую пробурить: как говорят, вода камень точит. За пять тысяч лет даже отрино может смягчиться – это же не металл…

– Малех, ты сам в это веришь? Не нравится мне твоя затея, и чем дальше, тем больше. Отрино – слишком дорогой, чтобы его в таком количестве использовали просто так. А главное – он не поддается ни смягчению, ни коррозии, и вообще… Странно все это! Слишком мягкая порода, если ты быстро прошел… Бур не может так легко идти. Данные с корабля показывают, что здесь скальные породы с большим содержанием различных металлов и…

– Этирей, не паникуй! Это значит – информация верна и здесь спрятаны несметные богатства. И наличие саркофага из отрино само за себя говорит…

Этирей уже полностью встал, выпрямился, не отрывая задумчивого взгляда от экрана, затем нервно потер затылок, взъерошивая кудрявую каштановую шевелюру.

– Малех, тебе нужно вернуться. Нет смысла так спешить и рисковать. Мы сделаем более подробные и тщательные исследования. Пробурим лазером несколько точечных скважин и…

– Послушай, Этирей, – голос Малеха, звучавший из динамиков компитеха, стал жестким, упрямым и раздраженным, – всю информацию добыл я, операцию подготовил и разработал тоже я. Нашел средства для организации экспедиции. И перед серьезными господами, помогающими нам, отвечать тоже придется мне. Ты что, думаешь, они просто так выделили новейшее оборудование и корабль?

– Почему ты мне не сказал? О «серьезных господах»? – Этирей, услышав друга, озадаченно потер пятерней лицо, чувствуя, как от страха мурашки пробегают по телу. – Я ведь считал, что спонсор – твой научный центр?!

– Этирей, – Малех попытался перебить друга, – это корпорация «Анкон». За ней стоят высшие правительственные чины Саэре и картель…

– Ты очумел, Малех? – вспылил в ответ Этирей. – Ты планировал проверить лишь свою теорию и пару слухов, а в итоге – втянул нас обоих в грязную историю…

– Никуда я нас не втягивал. И наличие отрино это доказывает. Мы на пороге невероятного открытия. Ты мне потом спасибо скажешь за то, что взял тебя в напарники.

– Малех, зараза, двигай назад! Я… – Этирей в бешенстве заорал на компаньона, опираясь внушительными кулаками на панель компитеха, но динамики заполнил шум и скрежет работающего на грани перегрузки бура.

Мужчина тяжело опустился в кресло, чувствуя не только раздражение и страх, но и эмоции своего друга, находящегося глубоко под землей в триановой

машине, вгрызающейся в стену саркофага. Тот факт, что Малех не стоял рядом, не играл никакой роли: Этирей – тсарек, и его способность к эмпатии являлась для него даром и проклятием, он мог воспринимать эмоции и немного – чувства окружающих на очень больших расстояниях. Особенно знакомых и близких.

Три недели назад Малех Визар – однокурсник и старинный друг Этирея – появился на пороге его дома и рассказал о том, что нашел ныне пустующие территории крингов. Несколько мертвых планет. Никто точно не знал, почему та закрытая для чужаков, но развитая технически цивилизация вдруг неожиданно прекратила свое существование. Спустя всего пять тысяч лет о ней мало кто помнил, но сумасшедшие археологи, как Малех и Этирей, обожали подобные истории и копались в прошлом в надежде совершить новые открытия. Хотя, скорее, подобно Визару искали древние сокровища.

Сначала тсарек услышал изменение звука буровой установки в динамиках, потом ощутил страх Малеха: видимо, тот испугался, что бур действительно сломается, но затем – облегчение и чувство триумфа накрыли его с головой.

Этирей услышал его радостное восклицание.

– Мы прошли! Невероятно, но наша буровая установка – это нечто. Пробить отрино… Невероятно! Слышишь, Этирей, нам сопутствует удача, и сама судьба приветствует смелых!

– Или там похоронено нечто такое, что даже отрино не выдержал… – тсарек ответил с сомнением и устало покачал головой. Плохое предчувствие и внутренний страх никуда не исчезли. Более того, только усилились, хотя искреннее восхищение буровой установкой заставило поблекнуть негативные чувства, ведь он не только археолог, но и технарь от природы.

– Ты только посмотри, Этирей… Я не верю своим глазам…

Мужчина, находившийся на поверхности, вперился взглядом в монитор, где все отчетливее проступала картинка, которую Малех видел собственными глазами. Световой диод, установленный на буре, освещал широкую площадку, и лучи света разбегались в разные стороны, выхватывая из тьмы новые предметы. Археологи словно по команде восхищенно выдохнули. Перед их глазами предстал мертвый город, который когда-то воздвигли кринги – шестирукие,

похожие на крупных грызунов-шурков гуманоиды. Сотни, а может, и тысячи низких домов, построенных из пластиформа, как гласили хроники, в те времена являвшегося очень популярным материалом для любого строительства. Пока пару тысяч лет назад не был изобретен мангуй – «живой и разумный» материал, способный принимать заданную строительными параметрами форму. Мангуй не крошился, не портился со временем, «дышал» и был абсолютно безвредным и хорошо управляемым. Единственное ограничение при использовании – не применим для строительства нежилых объектов, ведь он питался «живым» теплом. Именно поэтому в промышленных целях использовали его синтетические аналоги.

Мысли обоих исследователей прервались, потому что поток воздуха из пробуренной скважины достиг первых строений, и они начали рассыпаться, оседая горстками пыли на грунт.

– Ты видишь? Этирей, что происходит?

Тсарсек молчал, затаив дыхание, наблюдая, как в призрачном голубоватом свете главного диода буровой установки исчезают дома, распадаясь словно иллюзия или голограмма с глюком в программе. Только пыль, оседающая в безмолвном пространстве, доказывала, что это реальность, а не обман.

– Уходи оттуда немедленно, Малех! Слышишь меня? Я сказал, уходи немедленно! Подобное просто так с пластиформом произойти не может, даже спустя десять тысяч лет. А там – закрытое пространство и…

Одна из картинок на компитехе замигала, и в поле зрения буровой установки появился Малех в рабочем скафандре. Из-за пыли его фигура казалась окутанной серым плотным туманом, а бледное лицо с круглыми черными глазами без зрачков, характерными для расы чивасов, в первый момент испугало Этирея: будто привидение показалось. Упертый коллега подошел вплотную к глазку камеры и, в упор глядя на экран, сказал, чеканя слова:

– Мы не можем уйти отсюда с пустыми руками. Иначе меня расчленят, причем в буквальном смысле.

Тсарек, услышав слова друга, побледнел, мысленно даже порадовавшись тому, что решился помогать Визару в его бредовой, как он полагал, затее в последний

момент и о его участии никто не знает, но чем звезды не шутят…

– Послушай, Малех! Всего неделя прошла с нашего прибытия на эту даже звездами забытую планету. Нас никто не подгоняет, мы спокойно все выясним, проверим, сделаем замеры и анализы на вирусы, излучения и…

– Этирей, я в защитном костюме, мне никакие вирусы и радиация не страшны. Ты считаешь – я совсем дурак? Ладно, чтобы ты успокоился, сейчас сделаю замеры и пробы и тебе отправлю пневматикой. Принимай и обрабатывай, пока я тут осмотрюсь.

Малех отвернулся от камеры, демонстрируя другу узкую спину и короткие ноги. В годы учебы в высшей академии они не раз смеялись над разницей в телосложении друг друга. Чивасы – щуплые и низкие, а тсареки, наоборот, в большинстве своем – крупные и высокие, по крайней мере, те из них, что остались в живых.

Пару тысяч лет назад по стандартному космическому времени их планета Тсарек погибла: звезда остыла, превратив их дом в ледник. И так немногочисленная раса расселилась по различным мирам, ассимилируясь и теряя свои корни и наследие. Но семья Дор-Тсарек Коба до сих пор имела чистую кровь, не разбавленную другими расами, что только усиливало их способности.

– Малех, ты и так уже наворотил дел и заработал кучу проблем. Я чувствую себя круглым дураком, купившимся на твою сказочку о несметных богатствах и великих открытиях. Я тебя очень прошу – включи наконец свой разум и возвращайся наверх. Обещаю: мы не улетим отсюда, пока не соберем всю информацию об этом месте.

– Этирей, смотри, что я нашел! – чивас, не обращая на слова друга никакого внимания, направил камеру, закрепленную на шлеме скафандра, на странные золотые символы, изображенные на внушительном черном квадрате из сартора.

Этирей замолчал, в душе кляня Малеха за врожденное упрямство, но смиряясь с обстоятельствами. Ведь он слишком давно знал друга и уже привык к его выходкам. Чувствуя, впрочем, за собой вину: сам дурак, раз знал подноготную и характер Визара, но согласился на участие в этой чистой воды авантюре. Теперь оба рискуют, и если чивас – одиночка, то Этирей сейчас боялся за своего

ребенка. Его дочь не может потерять отца – единственного родственника – особенно после того, что произошло с ее матерью.

Заметив находку друга, вплотную приблизившегося к квадрату на каменной плите, Этирей пораженно выдохнул. Словно мемориал погибшему городу. Пыль уже потихоньку осела, и там, где раньше стояло множество домов, осталась лишь внушительная каменная глыба из песчаника.

Камера выхватила квадрат, увеличивая изображение символов на мониторе, – и даже носки ботинок от скафандра Малеха продемонстрировала, так близко тот подошел к камню.

Этирей изумленно выдохнул:

– Малех, как ты думаешь – может, здесь проживали самые богатые гуманоиды Вселенной?

– Почему ты спрашиваешь? – голос Малеха был немного хрипловатым от волнения.

– Потому что! Посмотри вокруг – действительно саркофаг. Стены и потолок, как я заметил, – тоже из отрино, чтобы уж наверняка любителей легкой наживы отвадить. А это недешевое удовольствие. За один квадрат из сартора можно выручить столько средств, что вполне хватит выкупить все оборудование и корабль, а они еще и золотом надпись сделали…

– Этирей, как думаешь, что здесь случилось? И интересно, что значит надпись? Да еще на сарторе: металл крайне редкий и слишком дорогой, а тут – такая расточительность… Ведь твой профиль – погибшие цивилизации и мертвые языки. Ты можешь ответить?

Мужчина, смотревший на монитор, замолчал, шаря по квадрату глазами и рассматривая золотую вязь символов, которые, похоже, тоже из-за легкого сквозняка слегка разметало по черной блестящей поверхности. Какая-то подспудная мысль сверлила мозг, но он никак не мог ухватить ее. Потом внимание привлек странный знак-символ. Этирей узнал его и предположил:

– Посмотри, в углу знак седьмой планеты крингов. В хрониках упоминается, что гибель их цивилизации началась именно оттуда. Бескрайние небеса, Малех, миры крингов почти самые закрытые из тех, о которых нам известно. Я тебя еще на Саэре предупреждал: о них почти не сохранилось какой-либо ценной информации. Но… хм-м… ты помнишь, я рассказывал, что перед разразившейся катастрофой у них случился раскол и часть планет решила отделиться от материнской? В итоге их ученые по распоряжению верховного правительства что-то создали для угрозы или принуждения. После чего информации фактически никакой не было, только о гибели миллиардов крингов. Даже их корабли не смогли добраться до соседей. Лишь небольшая часть населения с планеты, самой удаленной от седьмой, выжила. Хотя хроникам тоже безоговорочно верить нельзя. Сам знаешь: тот сказал, другой переврал, следующий еще больше придумал – результат…

С ответом Визар не замедлил, и в его голосе прозвучало едва заметное сомнение вперемешку с непрошибаемым убеждением в своей правоте:

– Не знаю, не знаю, дружище, кто переврал, но легенда, которую я нашел в хрониках, оказалась верна, и сведения, которые десятилетиями кропотливо собирал, тоже оказались достоверны. И наше присутствие здесь это доказывает.

Высказав свое мнение, Малех протянул руку и пальцем, затянутым в перчатку скафандра, провел по черному квадрату из сартора. Обвел золотые символы, выравнивая сместившиеся крупинки, потом плавно переместил руку на камень, погладив его. Этирей в этот момент заметил, как отвалился фрагмент камня в том месте, где его коснулась перчатка друга. Визар на мгновение замер, его рука зависла в сантиметре от каменной поверхности, затем пальцем ткнул в глыбу, проверяя на прочность и твердость. Под ошарашенными взглядами мужчин палец, словно в масло, вошел в каменную глыбу, оставив после себя округлое отверстие с ровными краями.

– Что за черная дыра тут происходит? – спросил Визар свистящим от напряжения голосом.

Этирей, буквально прилипший к экрану компитеха, выдохнул:

– Я сказал тебе уходить оттуда!

Камера, установленная на шлеме, резко метнулась к буру, затем, замерев на мгновение, прошлась по уходящему в темноту пространству мертвого города. Этирею стало понятно, что его слова поселили в душе упрямого чиваса сомнение, но вздох облегчения прервался, стоило ему услышать следующее замечание Малеха:

– Значит, мне следует поторопиться с обследованием территории. А ты можешь заняться расшифровкой символов и анализами проб.

Этирей ничего не ответил, поняв, что убеждать, просить или приказывать Малеху соблюдать осторожность бесполезно. Он молча поудобнее уселся в кресло и приступил к обработке новых данных, поступающих с буровой установки. Чем быстрее он закончит свою работу, тем быстрее оба уберутся отсюда. Еще когда только обследовали планеты со своего корабля и решали детально исследовать именно эту – седьмую и самую дальнюю, в душу закралось нехорошее предчувствие.

Слишком гнетущее впечатление оказывала на психику темно-красная звезда в системе Крингов, а также сама планета, по которой гуляли мощные ветра, молнии и где, как позже выяснилось, города строились глубоко под землей, хотя имелась нормальная, пригодная для жизни на поверхности атмосфера. Вероятно, крингов климат не устраивал…

Малех сходил к установке и методично заполнил землей и воздухом, в котором еще парила пыль от растаявшего города, несколько пластиковых контейнеров. Вернулся в кабину буровой и загрузил все в анализатор.

Запустив программу распознавания знаков и символов, Этирей уперся взглядом в зафиксированную картинку черного квадрата с золотой надписью. Странно, зачем крингам так напрягаться и делать предупреждающую надпись золотой россыпью, да еще на сарторе? Или оно само… Он пока никак не мог поймать мысль, которая все сильнее тревожила, но пока не хотела четко оформиться. Казалось, вот-вот он поймет, о чем его пытается предупредить собственное подсознание.

Краем глаза тсарек следил за картинкой: Малех, пересев на защищенный прозрачным куполом из пластиформа трехколесный кар, обследовал, судя по более подробным данным, появляющимся на экране, периметр саркофага.

Этирей слышал гул двигателя кара, пока чивас ехал вперед, удаляясь по кругу от входа. И вместе с другом изучал окружающее пространство. На мгновение он отвлекся, проверяя работу анализатора, и тут неожиданно раздался ликующий голос Малеха:

– Этирей, Этирей, погляди, что я нашел! Мы богаты! Мы богаты, как боги Квивара.

Тсарек уставился на экран и, осознав увиденное, сглотнул, смачивая внезапно пересохшее горло.

Огромная площадка, уходящая дальше в темноту, была завалена горами золотого песка и сартора. Эти два металла являлись валютой во всех известных мирах и использовались для расчетов между государствами и целыми планетами, хотя и применяли их по-разному: делали дорогостоящие украшения, употребляли в пищу, использовали в промышленности. Были и такие, которым оба металла служили своеобразным переходом в мир иной. Золото и сартор хотели и искали все. И если золото – довольно распространенный металл, то сартор – большая редкость.

Малех резко остановил кар, увидев невероятную картину, и в этот момент слабый поток воздуха поднял пыль. Но не просто пыль! В голубоватом свете засверкали мириады золотых пылинок, создавая сказочный, нереальный вид. Этирей увидел, как неугомонный коллега, вытянув руки вперед, любуется золотой сверкающей пылью, ложащейся на темный скафандр, облепляя и кое-где даже образуя легчайшие драгоценные «горки». А затем ехидно поинтересовался:

– Ты представь, за сколько можно теперь скафандр продать.

Этирей никак не мог осознать размеров богатства, что на них свалилось. Похоже, раньше слитки были разложены согласно массе, размерам и названию, но полки или здание исчезли, и теперь сокровища валялись в пыли. Золотой пыли! Экран за раз не мог отразить все находившееся здесь. Вероятно, тут ранее располагалось центральное хранилище крингов, возможно, даже объединенного правительства.

Из динамика раздался ехидный голос Визара, медленно продвигающегося на каре.

– Хм-м, похоже после нашего возвращения на Саэре…

Раздался странный скрежет, потом изображение камеры замелькало, и шум подсказал Этирею, что его друг кубарем свалился на землю.

Послышалась ругань, затем камера показала вид завалившегося кара: наверняка Малех увлекся и наехал на препятствие. Странно хрипло прокашлявшись, с чувствующимся в голосе недоумением он выругался:

– Крибл побери, что за… – поднялся и выровнял кар. Попытался завести снова, но двигатель не издал ни звука. – Я впервые встречаюсь с подобной поломкой. Эти кары – самые надежные, – прокомментировал он с недоумением в голосе.

Этирея наконец осенило, и одновременно звякнул компитех, привлекая его внимание. Расшифровка надписи на черном квадрате закончилась. Пробежав ее глазами, ученый почувствовал, как кровь отхлынула от лица и сердца. Даже руки заледенели, хотя пять минут назад он чувствовал, как пот течет между лопаток от напряжения даже в условиях функционирования походной климатической установки, которой оборудован их временный наружный блок на поверхности планеты. Раздался еще один сигнал, и на экране появились данные анализатора по пробам, взятым в пещере.

Тсарек безжизненным обреченным голосом произнес:

– Эта планета погибла от излучения д'окра. Расшифровка прошла, анализы готовы. Тот квадрат из сартора – предупреждение любому, что город заражен излучением и вся планета тоже. Все, что здесь находится, заражено. Думаю, цивилизацию крингов уничтожил не вирус. Произошел выброс, и зараженные в панике бежали на корабли и другие планеты их системы.

– Ты-то откуда можешь знать, Этирей? – Малех быстро возвращался пешком к буровой установке, фактически допрашивая коллегу.

– О д’окре немногие знают, информация по нему закрытая, но я одно время работал на правительство. Была ситуация в одной из звездных систем… угроза заражения от пиратов… Не поверишь: станцию, которую захватили те ненормальные, без переговоров уничтожили. Д'окр разрушает любые металлы, и не только, он нарушает внутренние связи и обращает в пыль. Любые металлы, кроме сартора, поэтому сокровище валяется здесь, никому не нужное, в золотой пыли.

– Но прошло свыше пяти тысяч лет… – голос Малеха сейчас звучал испуганно, словно друг просил Этирея его успокоить.

– Без вмешательства дезактивация, по предварительной информации, может занять не менее десяти тысяч лет, и, сам понимаешь, д'окр не настолько хорошо изучили, чтобы говорить о точных данных.

Этирей снова услышал кашель Малеха и продолжил:

– Мы ничего не сможем забрать отсюда. Излучение убьет нас самих, уничтожит наш корабль, а главное – мы погубим миллионы живых, если даже найдем способ забрать это богатство и продать. Медленно уничтожим живые планеты, выпустив на рынок зараженный сартор. Дезактивацию могут провести только очень крупные или работающие на государство компании. Потребуется много времени, сил и средств, но нет гарантии, что сартор станет вновь чистым и безопасным. Думаю, такой проблемой еще никто не озадачивался, особенно с сартором. Слишком дорогостоящее удовольствие даже для военных. – Этирей глубоко вдохнул и закончил: – А еще, сам понимаешь, эти залежи могут стать мощнейшим оружием в руках любого, кто найдет способ обойти местное излучение…

Показавшееся бесконечно долгим молчание и хриплое дыхание Малеха в динамиках… В камере на экране показались очертания буровой установки, и чивас ускорил ход, судя по тому, как запрыгало изображение.

Спустя минуту задумчивого молчания обоих заговорил Малех:

– Прости, Этирей, но я должен признаться. Вчера, когда мы обнаружили затемнение, похожее на саркофаг, я послал сообщение своему доверенному лицу в «Анконе». Просто не утерпел и поторопился хоть как-то успокоить моих

кредиторов. Глупо, я понимаю: похоже, мне на роду написано совершать одну глупость за другой. Даже помру от собственной глупости, видимо. Но сейчас менять что-либо поздно…

Малех неожиданно закричал, камера уткнулась в землю и показала, что мужчина уперся руками, затянутыми в материал скафандра, в пыль. Этирей взволнованно вскрикнул:

– Что случилось?

В ответ донеслось чужое тяжелое прерывистое дыхание, а затем сиплый шепот Малеха:

– Судорогой ноги свело… Все мышцы скрутило… Похоже, во мне слишком много металла, дружище, и он взбунтовался.

Этирей странно умоляющим голосом выдохнул, обращаясь к другу:

– Малех, я тебя очень прошу, соберись и дуй к буру. Я сейчас за тобой на каре…

– Нет, дружище! – резко и довольно жестко прервал чивас. – В эту передрягу я сам засунул голову, ты меня предупреждал… Да и сам понимаешь, что я облучен.

– Не важно, Малех, ты пройдешь дезактивацию и…

– Нет, не пройду! – чивас снова прервал уговоры. – И это ты тоже знаешь. Тебе здесь делать нечего, а я еще поборюсь за свою никчемную жизнь… Возможно, небольшой срок моего пребывания здесь… Ну и столько тысячелетий прошло – возможно, интенсивность облучения снизилась… Подготовь мне дезкамеру и отдельную кабинку на поверхности. Пока не определим, насколько все печально…

Малех говорил с трудом, прерываясь, изображение камеры прыгало из-за того, что мужчина шел рывками. Этирей чувствовал боль друга и догадывался, что судороги не прошли и чивас буквально силой преодолевает себя, чтобы сделать следующий шаг. Он в очередной раз упал, и оба услышали звук рвущейся ткани.

Малех поднял руку, и камера отразила прореху в скафандре, который до сегодняшнего дня и встречи с д'окром выдерживал любые испытания и славился невероятной крепостью.

Этирей шепотом произнес, на автомате озвучивая мысль:

– Он создан из мягкого металла… а теперь разрушается…

Малех встал, шипя от боли, и, закрыв левой рукой прореху на правом боку, продвигался к буровой. Этирей же сейчас подумал о том, что установка тоже из металла. По всей видимости, саркофаг из отрино – не преграда от черных археологов, а хотя бы минимальная защита от воздействия д'окра. А они ее взломали. Если сам Этирей сейчас на поверхности и возможность его облучения минимальна, то Малех… действительно обречен.

Этирей старался даже не думать сейчас о том, что им делать, если друг выберется из смертельной ловушки. Единственная надежда, что живой организм – это не чистый металл и содержание его в теле не сможет убить Малеха. Он всегда старался даже в безвыходной ситуации оставаться оптимистом.

Камера обрисовала четкий контур буровой установки. Малех наконец добрался и буквально завалился на нее от очередной судороги, скручивающей внутренности и мышцы. Стоя привалившись к корпусу, мужчина пытался справиться с собой.

Этирей напряженно наблюдал за другом. После, почувствовав, как колет в груди, понял, что почти не дышал. Затем его накрыло волной беспросветного отчаяния и смирения, следом пришло чувство обреченности, и тсареку только усилием воли удалось абстрагироваться от чужих эмоций.

Мрачную тишину нарушил голос Малеха, дышавшего через силу и со свистом:

– Этирей, прости меня! Тебе следует быстрее убираться отсюда. Это место проклято темными мощами крибла!

Тсарек устало откинулся на спинку кресла, слушая друга: не важно, что их разделяло несколько сотен метров, он чувствовал его, словно они сейчас сидели рядом.

– Тебе не за что просить прощения, мой друг! – Этирей был краток.

Но Малех, коротко хмыкнув, заставил коллегу похолодеть от последовавшего признания:

– Ошибаешься, Этирей! Если моя судьба уже решена, то о своей тебе придется поволноваться. Я сильно сглупил – даже не представляешь насколько. Так торопился вчера сообщить об успехе куратору экспедиции в «Анконе», что не подумал о важном. Наш сигнал можно будет отследить вплоть до этого сектора… А для такой продвину той корпорации поиски, в отличие от нас, труда не составят… Ты теперь один, и этот корабль…

До Этирея наконец дошел весь спектр грядущих неприятностей. Он подобрался и уже хотел было наорать на Малеха, но гневные слова словно на стену глухую напоролись. Тсарек взглянул на изображение мертвого города: чивас сидел, привалившись к полозьям буровой установки, с безысходной тоской осматривая свою будущую могилу.

Малех между тем продолжил, не дождавшись от друга выговора:

– Корабль оставь где-нибудь на нейтральной территории. Да и шурф, который я пробил, взорви чем-нибудь. Только осторожно, чтобы саркофаг из отрино не повредить еще больше. И замаскируй место нашей посадки и разработки, чтобы с орбиты не заметили. Нечего облегчать им поиски…

Этирей сдавленным голосом спросил, зная ответ, но иррационально надеясь:

– Зачем им сокровище? Если им невозможно воспользоваться? Золото и сартор отсюда не изъять: ведь они сами погибнут при этом…

Малех качнул головой, зашипев от испытываемой боли, а Этирей понял, что судороги добрались до мышц шеи.

– Не глупи, Этирей! Ты всегда был умнее и мудрее меня… Это самое грозное оружие, причем от него невозможно защититься и сразу выявить нельзя. Ты только представь масштабы того, что с помощью д'окра можно будет сделать! Здесь тонны золота и сартора… А ведь всего один из золотых слитков,

доставленный на флагманский корабль любого противника, способен уничтожить его, а враги даже не догадаются о причинах, погубивших их военную мощь… А если… – проникновенная речь Малеха прервалась, он закашлялся, и скоро Этирей увидел, как маленький чивас встал и повторно полез в кабинку установки.

В этот раз ему удалось. Скоро Этирей с облегчением услышал звук мощных двигателей. Буровая двинулась по проторенному шурфу в обратный путь.

Этирей бросился готовить дезактиватор, медитек и отдельный бокс, где пострадавший сможет отлежаться. А может и умереть… Технику и бо?льшую часть оборудования и прочего имущества он отправил с помощью роботов на корабль. Решил, что останется здесь, пусть и на некотором удалении от Малеха, но все равно максимально близко, чтобы его друг не чувствовал себя одиноким.

Вскоре в смотровое окно Этирей увидел щуплую даже в скафандре фигуру чиваса. Тот предусмотрительно бросил установку в шурфе, чтобы не оставлять следов на поверхности. Затем прозвучал его голос в динамиках компитеха:

– Я буровую внутри оставил на середине пути, после все взорвешь. Второй кар тоже туда отправил.

– Ты молодец, Малех! – ответил Этирей.

Малех же лишь скептически хмыкнул. Он запыхался, устав от тяжелого восхождения и продолжающихся судорог. Но кашлять перестал, стоило ему пройтись и размять мышцы. А тсарека вдруг посетила надежда, что все обойдется. Возможно, инъекции и переливания помогут…

Три дня прошли в борьбе за жизнь Малеха. Потом вышел из строя медитек, затем аппарат для переливания крови. Этирей не отходил от камеры, постоянно разговаривая с другом, поддерживая его и ободряя. На четвертый день у Малеха открылось кровотечение. У чивасов из-за большего содержания меди кровь голубая, вот и сейчас она разливалась жуткими пятнами на бледно-голубых ладонях умирающего.

Несчастный прокомментировал увиденное хриплым усталым голосом:

– Да! Во мне слишком много металлов!

Еще час они просидели вместе, глядя в экраны камер каждый со своей стороны. Этирей чувствовал и видел благодаря камерам, как умирал его друг. К великому сожалению, помочь ему он уже ничем не мог.

Когда все закончилось, тсарек взорвал шурф и место разработок, как ему советовал Малех. Теперь здесь будет могила его друга. С помощью малых орбитальных движков корабля продул всю территорию поверхности, где они несколько дней назад оборудовали закрытую техническую зону, а потом с глубокой скорбью и тяжелым сердцем покинул седьмую планету системы Крингов. Ему предстоял долгий путь домой на планету Саэре, а до этого требовалось замести следы, избавиться от корабля, да так, чтобы о присутствии на нем Этирея никто не узнал. Только таким образом он, возможно, спасет жизнь себе и множеству других разумных.

Глава 1

Передо мной парят высотные здания, широкие, но изящные пешеходные мостики с витыми поручнями, соединяющие дома на разных уровнях. Страховочные дуги транспортных магистралей, под которыми, возможно, уже скоро будут двигаться потоки автокаров. Тенистые аллеи и зеленые пятачки с растениями, которые, кажется, висят прямо в воздухе, хотя на самом деле они будут поддерживаться специальными промышленными тросами… Все, чем я любуюсь сейчас, – это макет одного из районов нового города, стремительно растущего на берегу Тарсы.

Правительство Саэре не жалело денег для строительства города будущего, и мой проект будет среди основных претендентов на победу, а главное – награду в миллион кредитов. У меня аж дух захватывало, стоило только представить, какие будут возможности. Я оторвала взгляд от голограммы, услышав комментарий своего учителя:

– Есения, вы, как всегда, неподражаемы и несравненны! Ваш проект уже прошел отборочный этап, и ректорат нашей академии возлагает на него большие надежды.

Я пыталась сохранить серьезность и степенность, но мое лицо непроизвольно растеклось в счастливой улыбке, а сердце грозило выскочить из груди. Хотя внутри и скопились чужие эмоции, подсказывающие, что не все присутствующие в аудитории студенты так же радуются за мою, пусть пока и призрачную, но победу. Чужая зависть черной самшитовой змеей свернулась в шипящий клубок под сердцем, но за тридцать лет жизни я привыкла, что справедливыми и добросердечными все быть не могут. И научилась строить стену между собой и чужими чувствами и эмоциями, хотя изредка вот такие черные и сильные всплески просачивались за преграду, оставляя во рту привкус горечи.

– Благодарю вас, профессор! Очень надеюсь, что смогу оправдать ваше доверие…

Профессор Виструм – старый сухонький чивас – подошел ко мне и снисходительно и довольно похлопал по предплечью тонкой рукой с голубоватыми жилками. Выше он бы просто не достал: слишком велика между нами разница в росте.

Некоторые студенты насмешливо хмыкнули, хотя давно должны были привыкнуть. Мой рост около ста девяноста сантиметров, да и остальные «габариты» не отличаются хрупкостью и изяществом. Что поделать, я слишком похожа на отца – чистокровного тсарека, и все представители моей расы отличаются внушительными размерами. А вот Виструм сухощав и мелковат даже для чиваса, и даже черты его лица, в силу преклонного возраста, казались заостренными и мелкими. Но профессор любил меня как талантливого ученика и всячески выделял из общей массы.

Огромная прямоугольная аудитория, в которой сегодня проходили лекция и моя презентация, была переполнена светом, придававшем яркости и живости проекту, словно это уже существующие жилые кварталы, а не голограмма учебного проектора.

Мы с профессором продолжали стоять на подиуме перед интерактивной доской. Слегка прикрыв ресницами глаза, я наблюдала за лицами своих однокурсников, выражавшими весь спектр эмоций – от восхищения до неприкрытой злобы. Кто-то вообще к профессиональному конкурсу относился индифферентно, желая лишь получить диплом одного из самых престижных учебных заведений, а кто-то скрывал свои мысли за бесстрастной маской, но под ней бурлили

эмоциональные стихии.

Виструм жестом разрешил убрать голограмму и вернуться на свое место. Быстро проделав привычные манипуляции, я тайком выдохнула. Несмотря на то, что считала свою работу действительно профессиональной и качественной, сегодня я все равно сильно волновалась. Учитель удивил меня, предложив продемонстрировать проект всему потоку студентов нашего инженерно-архитектурного факультета. А после объявил, что моя работа прошла сложный отборочный этап, где рассматривались проекты создания будущего прекрасного города. Он явно гордился мной – жаль, не все студенты разделяли его чувства.

Раздался звон колокола, возвестивший об окончании лекции, и в этот момент послышался вибросигнал зума, закрепленного у меня на руке браслетом. Взглянув на данные абонента, я активировала прием, краем глаза наблюдая, как большинство студентов, быстро отправив в сумки учебные планшеты, спешили к выходу.

– Привет, па!

На меня смотрели похожие на мои большие синие глаза. Правда, в папиных сейчас плескались усталость и глубокая печаль. Поэтому я сразу спросила:

– Что-то случилось?

Папа качнул головой с буйной темной кудрявой шевелюрой, потом с мягкой нежной улыбкой, адресованной мне, ответил:

– Нет, Еська, все нормально. Мы чуть позже обсудим новости, и я тебе обо всем подробно расскажу. Вечером буду дома, а ты?

Мой отец – очень известный и уважаемый археолог Этирей Дор-Тсарек Коба – раньше довольно часто отсутствовал дома, но в последние годы отказался от многих проектов, которые велись вне Саэре, предпочитая больше времени проводить со мной – своим единственным ребенком.

– Ты еще спрашиваешь?! Целых два месяца отсутствовал – конечно, я буду дома. Я по тебе та-а-ак соскучилась, ты не представляешь!

Папа улыбнулся, и печаль почти исчезла из его глаз, но продолжала тревожить меня. Не к добру это!

– Я-то как раз могу представить. Сам соскучился по тебе очень-очень! Думаю, попаду домой даже раньше тебя, так что, возможно, порадую свою любимую дочь чем-нибудь вкусненьким.

Мое и так прекрасное настроение взлетело до небес. Послав воздушный поцелуй родителю, я отключилась и буквально выпорхнула из аудитории с намерением найти своего друга, чтобы предупредить об изменениях в наших планах.

На мой звонок Маркус не ответил: так часто бывало, когда он погружался в очередное научное исследование. Он биолог и генетик и ярый фанат своего дела. Год назад закончил академию и сейчас занимается научной работой, о которой не любит распространяться. Иногда даже меня пытался, что называется, разложить по полочкам и выяснить все секреты тсареков. Брал различные анализы и вообще вел иногда себя со мной как с подопытным объектом. Но стоило мне потерять терпение и выйти из себя, тут же забывал о генетике и превращался в самого любящего мужчину. Хотя…

Маркус – из расы рольфов, и слишком глубокие чувства ему не свойственны. По крайней мере, в те редкие случаи, когда я приоткрывала свои ментальные щиты, расслабляясь рядом с ним, от него исходило лишь любопытство и сильный интерес к моей персоне. Пока мне хватало и этого, хотя я надеялась, что со временем его чувства станут сильнее и глубже. Конечно, самолюбие грело, что такой красивый мужчина обратил на меня внимание. Год назад. Кроме того, безусловно, рядом с ним было просто приятно и комфортно, учитывая то обстоятельство, что мы одинакового роста, и телосложением он не подкачал.

А то мне приходилось чувствовать себя неловко, когда изредка пытавшиеся ухаживать за мной мужчины оказывались либо хлипкими ботанами, мечтавшими найти за моей широкой спиной защиту от окружавших недругов, либо тайными мазохистами, либо озабоченными, откровенно западавшими на мою большую грудь.

Личная жизнь всегда была причиной моего внутреннего дискомфорта и неуверенности в себе. Но я не сдавалась. Отец часто говорил, что отчаянье – самый большой грех, потому что отрицает высшие силы, которые способны

помочь в самый ответственный момент. Поэтому всегда надо надеяться на лучший исход или чудо, и тогда, возможно, эти самые силы вспомнят о тебе.

Пробежав несколько пролетов лестницы, я оказалась на этаже другого факультета – биолого-химического. От площадки разбегались три коридора с множеством дверей, ведущих в небольшие аудитории и огромные лаборатории.

Академия Саэре находится под патронатом одной из крупнейших в нашей галактике корпораций – «Анкон». Поговаривают, что ее владельцы интересуются всем, что может принести дополнительную прибыль, вхожи в правительственные круги нескольких государств или планет, таких, как Саэре, и в целом постоянно держат руку на пульсе общественной, политической и научной жизни.

Даже я, возможно, получу приз победителя за свой проект именно от «Анкона», ведь это они возводят город на берегу Тарсы.

Вот так, размышляя отчасти о собственном будущем, я шла по коридору, тихонько заглядывая в лаборатории и аудитории в надежде найти Маркуса. Несмотря на свои габариты, я не толстая, а скорее крупная, с полной грудью, узкой, по сравнению с широкими бедрами, талией или, как раньше, в глубокую старину, называли – фигурой в форме песочных часов. Так мне и папа говорил, исподволь поднимая мою низкую самооценку. Из-за этих особенностей фигуры брюки я носила крайне редко и только из эластичных тканей, плотно обхватывающих бедра. А сверху всегда прикрывала их туникой, чтобы народ не смущать. Большая грудь, которая выросла лет десять назад, заставляла меня двигаться плавно, чтобы она не слишком колыхалась при ходьбе, привлекая дополнительное внимание.

Ко всем щедрым выпуклостям и округлостям, а также приличному росту у меня имеется еще один крупный недостаток – волосы. Красивого шоколадного цвета, но, увы, они торчат в разные стороны упругими длинными спиральками. В итоге меня везде много! Начиная с головы и заканчивая совсем не женским размером ступней. Э-эх…

В одной из лабораторий я увидела Маркуса, сидящего на столе, положив ногу на ногу, и разговаривающего со своим коллегой Витасом. Перед тем как войти, поправила кофточку бледно-желтого цвета, плотно облегающую тело, и яркую

длинную зеленую юбку, которую особенно любила за то, что та скрадывала объем бедер и невероятным образом делала фигуру тоньше. Взявшись за ручку, чтобы открыть дверь, я неожиданно услышала:

– Интересно, ты тут от своей секс-бомбы прячешься или просто такой трудоголик?

Голос Витаса был веселым, но у меня улыбки не вызвал.

Этот молодой и очень амбициозный чивас частенько заглядывался на мою грудь, но как женщину не воспринимал. Хотя он в принципе мало к кому хорошо относился и часто многих унижал. Не понимала я эту странную дружбу Маркуса с ним. Как можно общаться с мужчиной, который презирает твою подругу?!

Ответ Маркуса был ленивым и бесстрастным:

– Я не любитель играть в прятки… Да и вообще играть. Это же ты у нас любишь ролевые игры… в постели.

– Я очень многое люблю и стараюсь всегда исполнять свои желания. А вот ты, Маркус, меня удивляешь.

Я насторожилась и, несмотря на неловкость, которую испытывала, невольно подслушивая разговор, продолжила стоять не шелохнувшись.

– Мы обсудили с тобой этот вопрос, Витас. Дальше не вижу смысла…

– Ну и что ты планируешь делать? – спросил чивас.

Маркус хмыкнул и ответил:

– Да ничего особенного. Мне требуется хотя бы полгода, чтобы закончить научную работу. Сейчас нужно под каким-нибудь предлогом уговорить Есению на ряд серьезных исследований. Хочу попробовать выявить особенности ее расы и возможности закрепления их у других…

– Может, и потомство от нее хочешь заполучить? – ядовитый сарказм сноба Витаса ударил по нервам.

А ответ Маркуса заставил похолодеть.

– Смеешься, Витас? Тсареки живут более пятисот лет… Есении только тридцать, она, можно сказать, еще подросток. Мне ее папаша все время этим фактом в лицо тыкает. Задрал уже!

Его собеседник насмешливо хрюкнул, затем переспросил:

– Тебе двадцать шесть лет, ей – тридцать, и тебя же ее отец ругает за то, что эту бабень имеешь? Ты шутишь?

Я заметила в щелку между дверью и косяком, как Маркус отрицательно покачал головой и наставительным лекторским тоном пояснил:

– Ты меня удивляешь, Витас. Зачем ты пошел на этот факультет учиться, если элементарных вещей не замечаешь? Я – рольф, и мой жизненный цикл не превышает ста пятидесяти лет, так что в свои двадцать шесть я – взрослый самостоятельный мужчина. Есения – тсарек и в свои тридцать еще совсем юная девчонка, у которой гормоны играют, как у подростка. Тсареки в течение жизни проходят четыре этапа. И переход на каждый следующий сопровождается линькой и физиологическими изменениями. Первый – переход из детства в юность, когда начинают формироваться вторичные половые признаки, черты характера закрепляются, начинают развиваться их отличительные качества и способности – такие, как эмпатия, изредка даже телепатия или телекинез. Я благодарю звезды, что Есения только эмпат. Мне все время приходится контролировать с ней свои чувства…

– А дальше что? – нетерпеливо перебил Витас, а я, подняв руки, потерла виски, не в силах осознать и принять то, что сейчас слышу. Маркус меня использует как подопытную зверушку…

Рольф сменил позу, затем спрыгнул со стола и, опираясь на него пятой точкой, скрестив руки на груди, снисходительно продолжил:

– Дальше вторая линька и этап развития, во время которого тсареки настолько взрослеют, что способны выносить и воспитать потомство. Как показали мои исследования различных баз данных, раньше пятидесяти такое редко происходит.

Сам понимаешь, у ее отца я подобные подробности выяснить не могу. Тсареки – замкнутая раса и хорошо хранят свои секреты.

– Да, друг, – весело хмыкнул Витас, – боюсь, потомства ты от нее не дождешься…

– А оно мне и не требуется, – Маркус зло прервал смех однокурсника. – Я хочу выявить последовательность, с которой происходят эти этапы. Пойми, каждый раз, линяя, они обновляют собственное тело, становятся только сильнее и выносливее. Живут долго, и здоровье у них отменное. Более того, во время прохождения одного из этапов линьки могут изменить свой пол. Ты можешь себе это представить? – Мое сердце сдавила боль от воспоминаний и прошлой потери, а мой, похоже уже бывший, друг, все сильнее распаляясь, продолжал: – Рольфы живут в три раза меньше, а я хочу изменить эту ситуацию. Мы достойны большего. Моя раса умнее многих. Вот вы, чивасы, – мелкие, хитрые и жадные, но живете в два раза дольше нас. Дакоры, мнаки да еще сотни других рас – не лучше, а хуже нас. Даже люди с Терры живут на пятьдесят лет дольше, а ведь мы мало чем от них отличаемся… Я не хочу подохнуть от старости, когда ты будешь на пляжах Эймелы коктейли попивать в расцвете своей жизни…

– Ну… – Витас, чуть отодвинувшись от разозленного друга, потер свои бледные с голубоватым оттенком ладони одну о другую и осторожно заметил, – в наше время, когда технологии и медицина ушли далеко вперед и можно…

– Да, все можно, – Маркус рубанул воздух ребром ладони, прерывая чиваса и устало выдохнув. – Можно платить огромные деньги различным компаниям и протянуть до двухсот, но потом – все… Смерть. Можно превратиться в биоробота, пересадить свой мозг и жить столько, сколько захочешь, но это неправильно. Стать живым роботом я не хочу. Хочу чувствовать, а не получать заложенные и стандартные ощущения. Видал я подобных товарищей, променявших жизнь на существование…

Витас посмотрел в окно, из которого лился яркий золотистый свет нашей звезды Палмес, хмыкнул и осторожно, наверное, из-за того, что познакомился с истинным лицом Маркуса, произнес:

– А чем это лучше твоего сегодняшнего положения? Ты вечно пропадаешь в лаборатории, встречаешься с нелюбимой женщиной, которая, не поймешь, вроде на бабу похожа, а на самом деле девочка… Тебе надо расслабиться и…

– Не тебе давать мне советы, Витас! Амбиции тебя до добра тоже не доведут. Ты взломал виртуальный личный кабинет профессора Крома и подделал свои оценки. Я понимаю, тебе нужны баллы, а мне требуется твоя помощь…

Слушать дальше эти откровения было выше моих сил. До самого крибла противно, тем более – сама виновата.

Из-за способности к эмпатии мне потребовалось много лет, чтобы научиться практически полностью закрываться от окружающих. Даже в школу и академию я пошла позже, чем могла бы, именно поэтому. Боялась воспринимать чужие чувства и эмоции, оставаться с ними один на один без папиной защиты.

Легкой стремительной походкой я спустилась в центральный холл и выскочила на улицу. Горячие лучи Палмеса ласково и успокаивающе коснулись моей смуглой от природы кожи, ослепили, заставив на мгновение зажмуриться, приветствуя, как и других прохожих. Перед главным входом в академию толпилось много народа, ведь полным ходом шли вступительные экзамены. Снаружи разместили интерактивные экраны, которые демонстрировали абитуриентам проходящие внутри экзамены. А всего через неделю лично я получу диплом об окончании одного из самых престижных учебных заведений не только Саэре, но и всей галактики Такран.

Протолкнувшись сквозь толпу абитуриентов, едва сдерживая слезы, я добежала до стоянки своего автокара. Стоило двери автоматически захлопнуться за мной, плотно встав в пазы, как я, не сдерживаясь больше, зарыдала. Громко, взахлеб и икая. Выплескивая боль от подслушанного разговора.

«Ненавижу!» – пуская пузыри, прошипела я в пустоту салона. Но спустя мгновение поняла, что нет. Не испытываю я ненависти к Маркусу, вообще больше ничего не испытываю к нему. Словно вырвала его из сердца – и все.

Теперь там пустое место вместо этого исследователя. А вот боль осталась… застарелая боль. Боль от очередного предательства.

Десять лет назад произошло событие, которое сильно повлияло на нас с отцом. Мама с папой познакомились на одной из научных конференций, и папа часто рассказывал, как он тогда восхищался ее силой, умом и непривычными для любой женщины качествами. Они долгое время вместе работали, потом, в одной из экспедиций в дальние миры известной нам части Вселенной, сошлись на почве общей любви к археологии. Правда, мама больше увлекалась древними религиями, а папа – культурными и бытовыми особенностями уже забытых рас.

Спустя десять лет на свет появилась я, но, к изумлению Этирея, его жена и моя мама Юнивь воспитанием и уходом за ребенком себя не утруждала. Восстановившись после родов, она отправилась в очередную экспедицию и пробыла в ней несколько месяцев. Так отец стал мне еще и матерью, она же была для меня лишь размытым образом изредка приходящей женщины-незнакомки, которую почему-то надо называть мамой.

А еще через десять лет моя мама увлеклась одной религиозной культурой. Юнивь буквально с головой погрузилась в изучение специфического, истинно мужского культа. В последний раз она вернулась домой, уже проходя линьку перед третьим этапом. Мы с папой ее не сразу узнали – так сильно она изменилась. Они оформили развод, потом мама сообщила, что практически завершила трансформацию и смену пола. Теперь она не Юнивь Коба, урожденная Неор, а Юн Неор – мужчина и новый член закрытой сектантской группы. Она или он – мне до сих пор сложно думать о ней как о нем – исчезли из нашей жизни. Уже больше десяти лет мы не слышали о ней ничего. Мы с папой даже не говорим о ней, для него это было тяжелейшим ударом, ведь он любил ее. А теперь ему противно даже вспоминать, что прожил с ней столько лет, а сейчас она – мужчина.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я смогла успокоиться, но вспомнив, что дома ждет отец, начала поторапливаться. Выскочила из машины, прихватив бутылку с водой, умылась, тщательно разгладила юбку и кофту, глубоко вздохнула, успокаиваясь, и вновь села в автокар.

Зум неожиданно завибрировал, оповещая, что кто-то хочет со мной связаться. Подняла руку и увидела улыбающееся лицо Маркуса.

В первый момент струсила, не хотела отвечать, затем, собрав силу воли в кулак, нажала прием вызова.

– Слушаю тебя, Маркус! – произнесла холодным бесстрастным тоном и даже мысленно восхитилась своей выдержкой – надеюсь, выражение лица тоже не подкачало.

Мужчина стер с лица так радовавшую и умилявшую меня совсем недавно улыбку и настороженно спросил:

– В чем дело, девочка?

Приподняв бровь, я иронично усмехнулась про себя, услышав вопрос. Он с первого дня знакомства называл меня так, как папа, и именно этим завоевал симпатию и расположение. Было приятно, что для него я не дылда, как обычно в школе дразнили, а девочка. Наивная! Сейчас это обращение взбесило. Значит, я – бабень, да? Подопытный образец, да? Способ продлить твою никчемную жизнь? Мысленно прокручивая все, что услышала, злилась еще сильнее. Да, Маркус прав, я пока подросток в физиологическом смысле и до второй линьки и гормональной устойчивости еще лет двадцать ждать, но жизнь заставит – быстро повзрослеешь. Так и со мной произошло: умственное развитие опережало физиологическое на много лет. Эмпат моего уровня не протянет, если быстро не повзрослеет и не научится защищать себя от воздействия окружающего мира.

Прежде чем ответить, сглотнула, чтобы хриплый голос не выдал бушевавших во мне чувств. И только после этого ядовито поинтересовалась:

– Странно, Маркус, неужели у тебя с глазами проблемы? Девочкой меня точно назвать нельзя. Я – большая девочка, как в прямом, так и переносном смысле.

Маркус нахмурился, вглядываясь в мое изображение, наверное, заполнившее весь экран его зума, поэтому я тщательно держала на лице скучающее выражение.

– Что случилось, Есения? У тебя красные глаза – ты плакала? Заболела?

– Нет, – как можно беззаботнее хмыкнув, ответила, – со мной все в порядке. Пыль в глаза попала. Ветер…

Маркус слегка расслабился и снова нарисовал на лице улыбку, от которой у меня внутри все сжалось. Хорош, гад, очень хорош. Красивый, сексуальный, умный – не мужчина, а мечта. Если бы еще чуть-чуть любил, позволила бы ему исследовать себя – хоть вдоль, хоть поперек. Была бы не против прожить его жизнь, а сейчас… сейчас меня терзала боль предательства и злая обида.

– Детка, какие у нас на сегодня планы? А то я хотел, чтобы мы…

– У меня изменились планы, Маркус, – быстро перебила я, отчего он снова нахмурился и с подозрением на меня уставился. Я осторожно продолжила: – Папа прилетел и ждет дома. И знаешь, какое-то время я буду занята: получение диплома впереди…

– Ася, а ты не хочешь пригласить меня на вечеринку по случаю окончания академии? Ты спрашивала недавно.

Я зло хмыкнула. Еще месяц назад от моего предложения пойти вместе на эту вечеринку друг отделался невнятным бормотанием. Сейчас же сам вспомнил. Почувствовал изменение моего эмоционального фона и решил подсластить наши отношения.

– Я подумаю, Маркус! Извини, но сейчас некогда разговаривать: домой тороплюсь.

Перед тем как отключить связь, на миг поймала ошарашенное выражение лица Маркуса. Мужчина явно не ожидал подобного ответа на свое предложение, и как следствие – выбит из равновесия. В очередной раз хмыкнула, но уже печально: грустно осознавать себя марионеткой в грандиозных планах. Не стоит громко посылать его в глубины космоса и шумно изобличать. Подобные фанатики могут быть опасны, поэтому наши отношения я сведу на нет постепенно, без ненужных скандалов и истерик. Пусть ищет себе другого подопытного. И все же, пока летела к дому, я чувствовала, как слезы тонкими ручейками нет-нет да и сбегали по щекам. Первый мужчина и, наверное, слишком сильные чувства. Я словно оживала, стоило рукам Маркуса коснуться моего тела. И что бы он Витасу ни говорил, чувствовала – ему нравится касаться меня и заниматься со мной

любовью тоже. В такой момент сложно скрыть эмоции, а мне – полностью защититься от них.

Глава 2

Получилось так, что первой домой вернулась я, а не папа. Сразу умылась и занялась праздничным ужином в надежде отвлечься, чтобы отец не почувствовал моих эмоций. Хотя вряд ли: он – слишком сильный эмпат, а у меня внутри бушует смесь боли и обиды от очередного предательства, оскорбления, наконец.

Услышав шум в дверях, крупногабаритной птичкой я радостно кинулась встречать папу. Влетев в его крепкие объятия, забыла обо всем. Как же хорошо ощущать его так близко: он неизменно дарил чувство семьи, безопасности и счастья, просто находясь рядом. Всегда берег и называл своим главным сокровищем, любил искреннее, и дома я опускала ментальные щиты, чтобы отдохнуть, зарядиться положительными эмоциями и насладиться бескрайней отцовской любовью.

Папа поцеловал меня в макушку и отпустил.

– Хорошо, что ты первая дома оказалась. Кушать хочется, дочь, не то многострадальный желудок сам себя сейчас съест.

Я забегала, накрывая на стол, но неожиданно почувствовала сильную тревогу и напряжение, исходящие от отца. Ведь он, так же как и я, не привык скрывать свои чувства передо мной. Папа всегда считал, что семья тем крепче, чем меньше в ней секретов и тайн.

Мы дружно сели за стол, и я осторожно спросила, заглядывая в его синие глаза:

– Пап, что-то случилось? Как прошла ваша экспедиция? Малех…

Он сразу же прервал меня:

– Малех погиб. А теперь и нам грозит опасность, – в его голосе слышалась огромная печаль и сильная усталость.

Я замерла с вилкой в руке на полпути ко рту. А отец начал подробный рассказ о страшных событиях, которые им с другом случилось пережить. Его вилка в конце рассказа полетела на стол, со звоном ударившись о тарелку, но отец был настолько погружен в свои мрачные воспоминания и мысли, что даже не обратил на это внимание.

– Еська, придется нам позаботиться о себе заранее, – подытожил он.

– И каким образом? – я еще переваривала тот факт, что корпорация, от которой зависит судьба моего проекта и, соответственно, получение огромных денег, участвует в подобных авантюрах – спонсирует черных археологов…

– Нам придется сменить место жительства, а еще лучше – звездную систему. Здесь «Анкон» – реальная сила, с которой вряд ли можно как-то бороться или спрятаться от нее.

Я похолодела и опустошенно выдохнула:

– И куда мы можем податься? Думаешь, нас не найдут? – Затем, словно очнувшись, резко изменила тон: – Отец, они не знают, что вы нашли. Значит, отыскав корабль там, где ты его оставил, будут искать Малеха, а не тебя…

– Есения, послушай меня внимательно. Всегда рассчитывай на развитие худшего варианта, тогда, возможно, если дело пройдет более успешно, для тебя это будет подарком судьбы. Отследить меня, если у кого-то появится жгучее желание и, тем более, имеются безграничные возможности, не составит большого труда. Так что мы собираемся и улетаем как можно скорее.

Подавшись вперед, буквально ложась на стол грудью, я в отчаянии произнесла:

– Папа, но у меня же через неделю вручение диплома, я столько лет угрохала на учебу, а сейчас сбегу? А что потом?

Отец встал и, подойдя ко мне, успокаивающе погладил по волосам.

– Есь, я позвоню в ректорат, у меня там друзья и должники, попрошу выдать тебе его завтра. Просто чем скорее мы отсюда уберемся, тем здоровее будем. Я боюсь не столько за себя, сколько за тебя, дочь. То, что лежит в том мертвом городе, никогда не должно достаться алчущим власти беспринципным господам. Не хочу, чтобы из-за нашей с Малехом глупости погибли невинные. Мне не страшно умереть, Есенька, мне становится не по себе только от одной мысли, что они могут воспользоваться тобой, чтобы надавить на меня и выяснить все секреты. Я прожил уже триста лет, и хотя для нас это середина жизни, иногда мне кажется – слишком долго.

Я по-детски шмыгнула носом и мрачно заметила:

– Да-а-а, а вот Маркус буквально одержим идеей продлить жизнь не только самому себе, но и расе рольфов, хотя бы вдвое. Хотел с помощью меня выяснить причины нашего долголетия…

Папа опустился передо мной на корточки и, взяв мои ладони в свои, спросил, глядя в глаза:

– Так ты из-за этого сегодня такая подавленная? Из-за своих дум я даже не сразу смог разграничить наши эмоции, только потом понял, что тебя тоже что-то сильно расстроило.

Я согласно кивнула, а отец весело хмыкнул:

– Ой, ну и дурак же он… Долгая жизнь несет кучу проблем. Редкое исключение, когда кто-то все эти годы живет как в сказке, в большинстве случаев длинная жизнь лишь продлевает чьи-то страдания или тяготы. – Снова посмотрев на меня, печально улыбнулся и продолжил: – Прости, девочка моя, просто мысли всякие черные в голову лезут, вот я и впал в меланхолию. Твоя жизнь будет светлая и радостная. И мужчину нового найдешь. Этот рольф мне никогда не нравился, я его чувствовал, но ты не слушала меня, да и себя тоже. Нельзя тебе полностью отгораживаться от мира, надо учиться жить с чужими эмоциями: когда-нибудь это может спасти тебе жизнь. Лучше жить с поднятым забралом, как в древности говорили, и прямо смотреть опасности в глаза. Возможно, благодаря этому ты не упустишь ее обманный маневр и уйдешь от смертельного удара клинка.

Теперь пришла очередь моего насмешливого хмыканья:

– Пап, ты в любой ситуации остаешься историком и археологом. Даже когда меня жизни учишь.

Отец с затаенной печалью погладил мои руки и, не глядя в глаза, ответил:

– Ты слишком похожа на меня, радость моя… Я горжусь. Я лишь хочу, чтобы ты избежала моих ошибок и была счастлива.

Мы еще минуту посидели рядом, наслаждаясь чисто семейным единством, потом отец, вздохнув, встал, окинул меня теплым взглядом и сел за стол, принимаясь за остывающий ужин.

На следующий день, ближе к полудню, по договоренности отца мне немного раньше, чем остальным студентам, выдали диплом, проведя сложную процедуру регистрации в общей межмирной сети. Это потом пригодится для трудоустройства. Пока регистрировали, начальник учетной службы и пара его помощниц с недоумением сверлили меня взглядами. Все никак не могли понять, зачем мне диплом срочно понадобился, если я – номинант на награду за проект будущего города на Саэре. Слухами, как говорится, планета полнится…

Отец надеялся, что у нас есть хотя бы неделя, чтобы закончить самые важные дела и, не привлекая особенного внимания, покинуть Саэре.

Спускаясь вниз по анфиладе лестниц, в одном из пролетов я заметила Маркуса, к сожалению, он меня тоже. Но благодаря разделявшей нас приличной толпе абитуриентов я смогла скрыться.

Как правило, размерами я выделяюсь из общей массы, но вокруг было много людей, которые уже второе тысячелетие нескончаемой волной расселяются по всем подходящим для них звездным системам. Мужчины этой многочисленной и слишком распространенной расы нередко крупные, и рядом с ними я не чувствую себя совсем уж экзотичной. Довольно часто встречаются мнаки – серокожие, высокие и тощие. С ними у меня неизменно хорошие отношения из-за обоюдной способности к эмпатии. Сейчас я как раз затесалась в их многочисленную группу. А еще со стыдом вспомнила, что до сих пор не связалась со своей подругой Наиигиз. Она из мнаков, и многое об этой расе я

узнала именно от нее.

Несмотря на ассимиляцию многочисленных рас не только на Саэре, но и на других планетах и в целых мирах, чаще всего представители одной расы жили в пределах своих диаспор или анклавов. Большинство из них работали вместе, служили в военных или правоохранительных структурах, даже вступали в брачные союзы, стараясь держаться своих.

Тсареков же на Саэре – еще одна пара преклонного возраста. Поэтому я дружила с Наиигиз и Отром – симпатичным пареньком-дейсом. Жаль, семья Отра вызвала его домой на Дейс для помолвки с выбранной родителями девушкой из знакомой влиятельной семьи. Для этой расы подобные браки типичны, и у Отра они негатива не вызывали. Зато мы с Наиигиз провожали его месяц назад со слезами на глазах. Тяжело расставаться с тем, с кем провел бок о бок последние семь лет. А неделю назад подруга тоже пригласила меня на похожее событие. У мнаков оно происходит по-другому. И мне было бы весьма любопытно побывать на этом закрытом для чужаков обряде. Опять, жаль, не получится…

Домой я вернулась в мрачном настроении. Предстояло заказать места на пассажирском транспорте, место в грузовом отсеке для нашего багажа и начать паковать свое добро. Отец с утра ушел на работу, где он еще пару месяцев назад взял отпуск. Время бежало незаметно, но думы о нашем будущем не оставляли, вынуждая беспокоиться, даже разрыв с Маркусом и обида отошли на задворки сознания.

Решив привычным образом переключиться, я занялась своим любимейшим занятием. На этот раз надумав покопаться в кухонном процессоре, толком не зная зачем, – мы же уезжаем, и вряд ли он нам скоро пригодится. А все потому, что с самого детства я хвостиком следовала за отцом, стараясь ему подражать. Часто ходила с ним на работу, внимательно следила за его деятельностью и к тридцати годам уже многое знала о его профессии. Археологи – занятные существа и в «поле» зачастую должны совмещать немало специальностей. Так и мой отец, вторым любимым делом которого после истории и археологии стали приборы и оборудование. Он с таким удовольствием копался в них, стоило чему-то немного забарахлить, что вскоре и я с азартом ковырялась в различных устройствах, разбирая их до последнего винтика, и с огромным интересом исследовала, постигая принцип работы практическим образом.

Когда же пришло время выбирать специальность, я уже вполне профессионально могла отремонтировать любую технику в доме и даже наш личный автокар. Это занятие приносило мне умиротворение в сложные периоды жизни, помогая хоть ненадолго отвлечься от личных проблем, что еще больше сближало с отцом, ведь у нас, можно сказать, одна страсть на двоих. Увлечение помогло и в дальнейшем, для получения инженерно-архитектурного образования. Многие технические дисциплины давались гораздо легче, что крайне удивляло моих сокурсников, хоть и увеличивало количество насмешек, – здоровенная, как мужик, и интересы соответствующие. Хотя профессию я выбрала, потому что архитектура – одновременно наука и искусство и, конечно, красота. Архитектура – это музыка в пространстве, как бы застывшая музыка. Искусство, сквозь которое можно пройти. Но я неплохо разбираюсь и в технике. Одно другому не мешает, полагаю.

Глава 3

Я заваривала чай, когда услышала шум, а вскоре на кухню ввалился сильно взволнованный, взъерошенный отец. Рубашка спереди помята так, словно он сильно тер грудину, пытаясь успокоиться, как обычно делал в минуты беспокойства. Да еще и штаны в грязных пятнах, словно по земле ползал; весь его вид просто кричал о грядущих неприятностях.

– Быстро собираемся, Еся. Бо?льшую часть вещей оставим здесь – это уже не важно. Меня сегодня прямо в кабинете посетили представители «Анкона» и осторожно выспрашивали, где я два месяца пропадал? Куда летал? А потом в лоб спросили, как поживает мой друг Визар?.. Уверен, они уже выяснили, куда я летал, где и с кем пропадал, просто почву прощупывали. У них такой эмоциональный фон… Подозревают. Времени на ожидание транспортника нет. Берем билеты на самый ближайший рейс куда подальше…

Пока я ходила за сумочкой, отец уже нетерпеливо ожидал, и тут в дверь позвонили. Мы с отцом замерли. Я решила полностью опустить ментальные щиты: врага лучше встречать с открытым забралом. Меня сразу накрыло злобой, презрением, усталостью. Видимо, с той стороны кто-то утомился от своей работы, однако, судя по эмоциональному фону, смирился и готов дальше ее выполнять.

Отец схватил меня за руку и быстро потащил за собой в гостиную. Нажал пару точек в стене за полкой, на которой совсем недавно красовались его археологические находки, – и небольшая потайная дверца отъехала в сторону. Мы оба ощутили решительный настрой тех, кто стоял снаружи. Они явно теряли терпение. Отец быстро затараторил, обхватив мое лицо обеими руками:

– Запомни, девочка, ты – все, что у меня есть. Я люблю тебя и хочу, чтобы ты жила долго и счастливо. Что бы здесь ни происходило – не выходи отсюда. Поняла? Они не должны найти тебя, иначе я сломаюсь и расскажу обо всем. А я не могу этого допустить: погибнут миллионы, если не больше, невинных. Пока никто не знает, что мы нашли у крингов, но если за нас обоих возьмутся всерьез, правда вылезет наружу. Мы с Визаром сами виноваты – сами и ответим, он-то уж точно. Уже. Теперь моя очередь. Если меня уведут, потом, когда почувствуешь, что все обо всем забыли, оставишь мне сообщение в том месте, где мы с мамой твоей познакомились. Помнишь, родная?

Я кивнула и вышла из оцепенения, потому что звонившие начали выламывать дверь, взвыла сигналка охраны, но мы понимали: вряд ли нас кинется спасать служба безопасности. Папа активировал закрытие двери и прошептал с мольбой в голосе:

– Что бы ни случилось, не выходи отсюда, пока не останешься одна. От этого зависят не только наши жизни, но и многих других.

Я осталась наедине с темнотой, застыв на небольшой площадке перед лестницей, ведущей в тайное убежище отца, где он хранил свои реликвии и ценные находки, и задрожала от накатившего страха. Замерла, приникнув к двери, стоило услышать громкие голоса, но разобрать, о чем речь, не представлялось возможным. По голосам и эмоциям я выделила четырех чужаков, которые сейчас находились с отцом в гостиной.

Чувство собственной беспомощности и безнадежности в сложившейся ситуации накрыло с головой. Никто не придет на помощь, никто не услышит, даже если они дружно начнут кричать. Отец еще лет сто назад купил большой участок среди фруктового сада и построил на нем дом подальше от других домов в округе. Помнится, корпорация «Анкон» пыталась выкупить у нас этот участок земли для расширения территории нового города, но отец отказал. Зато теперь ей вряд ли кто-то сможет помешать его забрать.

И хоть я не присутствовала в той комнате, где происходили страшные события, но могла ощущать и догадываться, что там творится. Отца не увели из нашего дома, наверное, полагая бессмысленным тратить столько времени, им гораздо проще было вести допрос на месте, вдали от любопытных соседей и правоохранительных органов. Отец хотел уединения и защиты от чужих эмоций, он их получил – правда, теперь мы наедине с опасностью и помочь нам некому.

Положив ладони на дверь, я приникла к ней ухом, чтобы попытаться услышать, что происходит. Но в ушах стоял лишь далекий гул чужих голосов, отдельные слова, которые толком не разобрать, зато эмоции четырех мужчин ощущались четко, а вот отец впервые в жизни пытался экранироваться от меня, пугая еще больше. Я полностью опустила свои щиты – и меня затопили чужие злость и презрение.

Внезапно грудь прошила боль – это отец сейчас, наверное, от неожиданного удара забылся и снял блок. Допрос с пристрастием начался. Вскоре я потеряла счет времени, неподвижно сидя на полу и словно прилипнув к двери руками и лицом. Отец не смог защитить меня полностью от происходящего там… с ним. Мне достались его муки и ощущения чужаков. Кто-то из них наслаждался, причиняя боль, другой испытывал отвращение и стыд, смирение и страх. Третий из тех, кто пытал, по сути, нас с отцом, наблюдал и оценивал – так чередой мелькали его эмоциональные впечатления, словно в театре… Четвертый был в ярости и испытывал страх, наверное, от того, что пока не добился смирения и покорности от отца, а главное – информации. Я их тоже не ощущала, папа держался изо всех сил, хотя, мне кажется, каждой частичкой тела чувствовала, как ему больно.

В какой-то момент попыталась выйти из тайника, чтобы помешать им мучить единственное родное и любимое существо во всей Вселенной, но дверь оказалась заблокированной снаружи чем-то посторонним. И это отрезвило, заставив вспомнить мольбу отца не выходить. Не дать им надавить на него через меня. И попытаться сохранить тайну планеты Крингов.

Я беззвучно рыдала от боли – нашей обоюдной нескончаемой боли, потому что отец уже не мог держать эмпатический блок, защищая меня. В какой-то момент отлепилась от двери и сползла на пол и там, скрючившись, лежала, не в силах пошевелиться. Злоба и ярость чужаков нарастали и оглушали, обездвиживая меня, а отец терял связь со своим телом и даже сознанием.

Неожиданно вздрогнула дверь, а меня прошила новая вспышка боли – значит, отца приложили о полку, висевшую на стене, в которой скрыта потайная дверь. Снова удары… удары… Вспышка смертельного холода, смешанного с облегчением, затем пустота… Пустота там, где раньше я всегда ощущала теплое местечко для себя, где билось большое и доброе сердце отца, которое всегда излучало искреннюю, безмерную и бескорыстную любовь ко мне. Как же эти пустота и холод знакомы! Я ощущала похожие замораживающие душу эмоции и чувства, когда умерла наша собака Ладочка. С тех пор мы больше никогда не заводили домашних питомцев. А сейчас новая пустота, и осталось только осознание, что моего отца больше нет. Теперь я одна во всем мире. И уже второй раз переживаю смерть, на этот раз смерть самого родного… Невыносимое чувство – умереть дважды…

Меня накрыло чувство чужой досады и тайной жалости, страх от того, что, похоже, работу до конца не выполнили, а мне стало все равно, что испытывают убийцы моего отца. Я приложила руку к двери, просто желая прикоснуться к нему и не в силах этого сделать. Я все еще помню: он сказал не выходить, а то умрут другие, и тогда я снова буду умирать – вновь и вновь. Мне достались слишком большие способности – испытывать не только эмоции живых существ, но и ощущать их чувства.

Тем временем за дверью эмоции накалялись, убийцы решали, что делать дальше. А потом меня затопило их общее облегчение – пришли к консенсусу… Шум за дверью – это чужаки громят наш дом, тщательно обыскивая… Облегчение сменилось разочарованием и лютой ненавистью… Вспышка ярости.

Голоса и эмоции немного отдалились – судя по интенсивности, все вышли из дома. Но бродили вокруг… Затем сновали туда-сюда, то приближаясь, то удаляясь. А вскоре я ощутила хлопок, от которого вздрогнул весь дом, сотрясаясь до основания, и даже сквозь плотно закрытую потайную дверь начал просачиваться запах дыма. От взрыва я не упала, потому что продолжала лежать на полу. Вслед за апатией и болью потери пришел животный, выворачивающий наизнанку страх перед огненной стихией. Стены из мангуя, из которого был построен наш дом, завибрировали мелкими волнами, словно тоже испытывая боль.

Я встала, ощущая невероятную слабость, и попыталась открыть дверь, однако ее заклинило: стены деформировались и автоматика нарушилась. Подергала сильнее, чувствуя, как паника захлестывает сознание. Все прежние чувства и

страхи отошли на второй план перед ужасом сгореть заживо. Стены начали сжиматься там, где их снаружи касалось пламя. Если я останусь здесь – либо задохнусь, либо меня сплющит, поняла я, поэтому рванула вниз, в подвал. Захлопнула вторую дверь за собой и услышала, как трещат ступени, по которым всего мгновение назад спускалась. Прижав руки к груди, я в ужасе отходила от стены дальше, слушая, как за второй дверью и надо мной все оседает и сплющивается. Странно, что же они использовали, чтобы устроить такой сильный пожар? Ведь мангуй сам по себе не горит, что является его дополнительным преимуществом в качестве стройматериала. Но вот о таком эффекте сжатия я не знала и даже не слышала.

Когда вокруг все стихло, я смогла выдохнуть с облегчением. Злые слезы текли ручьями, а ноги окончательно перестали меня держать, и я буквально осела на пол. Обняла колени руками и приготовилась ждать дальнейших событий. Какое-то время еще чувствовала присутствие чужаков наверху, потом они убрались, а вслед за ними прибыло множество других. Снова чужие эмоции затопили сознание, но мне усилием воли удалось защититься от них. Сейчас это не важно, но в память об отце я больше никогда не подниму щиты и всегда буду смотреть на окружающих через призму их эмоций и чувств.

К сожалению, дать о себе знать я не могла никому: была заблокирована в подвале и как из него выбраться, даже не представляла. Так и сидела на полу, обхватив колени руками и раскачиваясь из стороны в сторону, не в силах думать, не в силах искать способ выжить и не в силах абстрагироваться от чужих эмоций и недавней смерти папы. Деформировавшийся мангуй закупорил все отверстия, и лишь пара небольших рассеивающихся облачков дыма, которые спустились со мной с верхнего этажа, все еще плавали под потолком. Я не помню, как улеглась на пол, видимо, мой организм, исчерпав все ресурсы, предусмотрительно отключил сознание, милостиво даровав возможность забыться во сне.

Проснулась резко, словно от толчка. Там, на поверхности, кто-то ходил. Судя по эмоциям – любопытство, восторг от собственной смелости, – это дети. Все тело ныло от неудобной позы эмбриона – похоже, я пролежала так слишком долго. Встала и, кряхтя, размяла конечности. Неяркий автономный диод, реагирующий и включающийся на движение, осветил окружающее пространство – подвал три на три метра. Вдоль стен – стеллажи, сейчас многие – пустые: папа пристроил все экспонаты, которые здесь раньше хранились. Еще несколько стеллажей были завалены разными приборчиками: измерителями различных излучений, микроскопическими очистителями для археологических находок, сканерами,

анализаторами грунта и еще множеством даже мне не известных предметов. Этот подвал считался заповедной папиной территорией.

Неожиданно заметила емкость с водой и чуть ли не рванула к ней, так сильно хотелось пить. Из еды чуть позже в полевой сумке нашла плитку шоколада (отец был сладкоежкой, в отличие от меня) и коробку тасванского печенья. Из-за пережитого стресса я испытывала дикий голод, но позволила себе съесть лишь пару печенюшек и одну дольку шоколадки. Пока я не придумаю, как мне отсюда выбраться, еду надо растянуть на максимальное количество времени. Поэтому, утолив самый острый голод, который мешал думать, выпив воды, я принялась осматриваться более внимательно и прикидывать все варианты освобождения. Порадовалась, что у меня такая замечательная специальность, потому что я уже мысленно рисовала проект этого подвала и искала в нем самые слабые места.

Тщательно обследовав помещение еще раз, к своему счастью, нашла миниатюрного робота-копалку и самую обычную кирку. Папа притащил робота домой еще полгода назад: тот начал сбоить на полевой студенческой практике. Как мне помнится, руки у папы до него так и не дошли, но, надеюсь, для задуманного сейчас хватит. Должно хватить!

Следующую пару дней я упорно долбила киркой каменное основание подвала, дальше запустила робота. С переменным успехом дело пошло. Вода у меня была, а вот еды нет – печенье и шоколадка закончились. Для такой тяжелой работы требуется много сил, а без еды они, увы, заканчиваются слишком быстро. Когда до поверхности земли осталось, по моим расчетам, метра два, робот все-таки сломался. Решив не тратить время на его ремонт, взяв сумочку, которую успела забрать из дома, упитанным грудастым червяком полезла в тоннель. Киркой копала дальше, проталкивая почву вниз руками и ногами.

Я боялась, что вот-вот завалю путь вниз и в то же время не успею прокопать дорогу наверх. Однако на грани душевного срыва от страха замкнутого пространства, стиснув зубы, упорно работая старой надежной киркой, пробивала себе путь наверх. Жить хотелось так, что я бы и зубами вгрызалась в грунт. Когда рука с киркой словно провалилась в пустое пространство, уже не думая ни о чем, я заработала с утроенной силой. Словно мертвяк из могилы вытаскивала себя из земли. А потом долго лежала, не в силах насладиться богатством ароматов, витавших в воздухе, его насыщенностью и свежестью. Пришлось усилием воли выравнивать дыхание, а то бы мне точно грозила гипервентиляция легких. Вокруг царила ночь, но спутник Саэре Д-4 давал достаточно света, чтобы

я могла осмотреться.

Зрелище оказалось ужасающим. Нашего дома больше не существовало. Вместо родного, надежного, уютного дома – приземистая глыба скукоженного обугленного мангуя – могила моего отца, самого близкого и любимого существа. Я попыталась вытереть с лица влажную землю, но, скорее всего, размазала еще сильнее. Подошла к обгоревшей мрачной куче и застыла перед ней. Пока я находилась запертой в подвале, думать себе ни о чем другом, кроме спасения, не позволяла, а вот сейчас ощутила, как навалилась тяжесть утраты, осознание, что ничего как прежде не будет и теперь я осталась одна. А любимый отец в этой кошмарной могиле…

Упав на колени и упершись в землю лбом, я зарыдала. Отчаянно и безутешно оплакивая потери, осознавая, что совсем-совсем одна и ничего вернуть не в силах. Слишком многое я бы могла перенести легко и не жалея ни о чем – о Маркусе, например, даже не думала и не вспоминала – а вот потерю отца… Ее пережить будет сложно. Только через час я смогла немного прийти в себя. Нашла автоматическую поливалку травы, оказавшуюся в рабочем состоянии, включила ее и помылась. Выстирала одежду и тут же мокрую надела. Сейчас лето, тепло, через пару часов высохнет, а здесь долго оставаться нельзя. Вдруг заметит кто…

С трудом расчесав волосы, я подхватила сумку, заодно проверив ее содержимое, и, слегка покачиваясь от голода и усталости, пошла в сторону города пешком. Хотя два автокара по-прежнему стояли на нашей парковке, я не могла ими воспользоваться: при активации двигателя автоматически подтверждается личность водителя, а значит, обо мне узнают в «Анконе». Я не сомневалась, что отец им ничего путного не сказал, поэтому опасалась, что меня будут искать. В голове мелькнула дурацкая мысль: если бы осталась в подвале и погибла там, их поиски были бы бесплодны и затратны, а теперь у них появилась надежда. Ближе к пригороду я встретила роботизированное такси и, с облегчением вытянув гудящие ноги, назвала адрес доставки – космопорт. Деньги у меня есть (отец специально снял для нас немного наличных и перевел средства в векселя на предъявителя), документы с собой, так что сейчас главное – улететь с планеты. Заметать следы буду уже в дороге.

Глава 4

Полированная поверхность файнеса, используемого на Дерее в качестве зеркала, демонстрировала удручающую картину. Файнес, скорее, проецировал изображение, позволяя более объемно видеть себя с трех сторон. Я оделась в деловой брючный костюм и застыла со щеткой в руке, пытаясь расчесать буйные кудрявые волосы, шоколадной волной падающие на спину. Критически всматриваясь в свое отражение, я только тяжело вздыхала, предчувствуя новые сложности, грозящие свалиться на мою и так невезучую голову.

Ранее нежная смугловатая кожа цвета обожаемого мной кофе с молоком сейчас больше походила на серовато-белую маску. На этом фоне необычайно выделялись яркие синие глаза, в которых отражалась многодневная усталость и затаенная боль. Веки набрякли и чуть опухли, скрывая ресницы. Взгляд скользнул ниже по оплывшему подбородку, потерявшему былую четкость; толстой шее без единой складочки; ключицам, которые теперь невозможно различить, потому что кожа натянулась, скрывая прежние линии. Сейчас мое тело казалось еще более крупным из-за отека, и со спины меня часто путали с мужчиной, чему дополнительно способствовала одежда.

Кожа чесалась немилосердно, и мне приходилось прилагать немалые усилия, чтобы не почесываться постоянно, дабы не раздражать окружающих, вызывая у них подозрения, что рядом с ними больная или, того хуже, заразная особа. Сегодня я окончательно признала: у меня началась линька и, соответственно, вторая ступень развития. Первая проходила в течение двух месяцев, и те, мягко выражаясь, дискомфортные ощущения я очень хорошо запомнила, а как со второй будет – предсказать нереально. Похоже, ужас и стресс, которые я пережила три недели назад, спровоцировали внеплановое «взросление» и линьку на пару десятков лет раньше, заодно сократив мою жизнь на эти самые пару десятков лет…

Пока я витала в своих мыслях, расческа запуталась в волосах, я дернула за ручку и с досадой отметила, что целая прядь осталась в зубчиках. Да-а-а, начинаются все «прелести» линьки, и волосы придется обрезать. Я аккуратно распутала прядь и, осторожно расчесав непослушные спиральки волос, собрала в нетугой низкий хвост. Поправила одежду и, взяв сумочку, отправилась на работу.

Побег с Саэре до сих пор вспоминался с содроганием. Как я в мятом платье покупала билеты, сдерживаясь, чтобы не сорваться с места, стараясь испуганно не крутить головой в ожидании, что меня в любой момент схватят

представители «Анкона». Как в космопорту проходила регистрацию на рейс и тоже ждала, что вот-вот узнают и бегство закончится прямо на Саэре. Как первые сутки летела на старом грузопассажирском судне практически в никуда. Затем словно заяц с Терры меняла корабли на станциях, путая следы. И наконец покинула нашу галактику, стремясь сменить территорию влияния «Анкона». А потом неожиданно пришла в себя на Дерее – небольшой планете, одной из первых открытой для колонизации в этой звездной системе.

Вообще, в известной на данный момент части Вселенной разумные гуманоидные расы настолько ассимилировались и смешались, что им и самим сложно определить, кем и как совершались открытие и колонизация первых миров. Только историки или археологи, такие как мой отец, могли точно ответить на этот вопрос или хотя бы сделать предположения. Естественно, более «молодые» расы можно отследить и сказать, когда они влились в не столь дружную семью различных народов и миров, но вскоре и они размывались в непрерывно меняющемся море жизни и забывали свои истоки. Такова специфическая плата за охват всемирной вселенской паутиной более развитых старых миров.

Хотя имеются целые закрытые миры, в которые входят несколько планет или даже звездных систем. Они истово сражаются за свои ценности и почти недоступны, сохраняя такой статус ввиду своих индивидуальных, большей частью неведомых остальным особенностей. Правда, только в том случае, если были настолько хорошо развиты и сильны, что оказывались в состоянии сдержать экспансию армады предпринимателей, политиков, колонистов с перенаселенных планет и еще массы подобных, жадных до чужих территорий или наживы, господ.

Поэтому организовывались различные союзы, конгрегации, конклавы, федерации или конфедерации, которые постоянно изменялись, то объединяя, то, наоборот, разделяя участников. Новостные каналы и космосети пестрели различными заголовками типа «Конфедерация Парная распалась, ведутся локальные боевые действия для определения точных границ, планета Кая никак не может решить, на чью сторону встать…» и так далее и тому подобное. И в этом мире приходится выживать всем остальным жителям данной части Вселенной. А еще приходилось учитывать интересы и желания негуманоидных рас: пока таких немного и находились они вне основных космических путей, но все же с ними считались.

Дерей привлек меня мирным, устоявшимся образом жизни, поэтому я решила остановить выбор на нем. Пусть этот мир немного перенаселенный, но мне здесь комфортно. Население состоит в основном из людей и рольфов, которые зачастую живут рядом, потому что имеют гораздо меньше физиологических отличий по сравнению с остальными расами. Многие из них высокие, что меня несказанно радует: не чувствую на себе любопытных взглядов. В отличие от Саэре, где преобладает раса низкорослых чивасов. Здесь же я – обычная крупноватая женщина. Мне повезло практически сразу найти себе жилье и работу на Дерее, и сейчас я как раз опаздывала в офис одной из небольших строительных фирм, где уже две недели тружусь архитектором.

Торопливо зашла в офис и сразу заметила нашу секретаршу Любочку – и напряглась, потому что ощутила ее эмоциональный фон. Эта девушка внешне была похожа на меня: тоже крупная и с большим бюстом, что специфическим образом сказывалось на ее личной жизни. Сейчас она сидела за столом, заваленным бумажными платками, и лила горькие слезы.

– Любаш, что случилось? – Я подошла и присела на стул рядом, желая если не помочь, то хотя бы успокоить. Погладила бедняжку по плечу, искренне сочувствуя, подсознательно отмечая, что моя рука бледная на контрасте с ее кожей.

Люба подняла зеленые заплаканные глаза, и на меня полился фонтан истеричных жалоб:

– Нет, ты представляешь – он оказался женатым. И ладно бы только это, я бы простила, но его жена беременна, а он… а я… тоже беременна. А он знаешь что сказал, когда узнал? Что я – сильная женщина и сама справлюсь, а его жена Изи – такая слабенькая, маленькая, беспомощная… А я, значит, сильная и справлюсь…

Обычно жизнерадостная и боевая Любаша, говорившая, что руки – визитная карточка девушки, шея – ее паспорт, грудь – загранпаспорт, наверняка имея в виду, что такая аппетитная девушка грудью проложит себе дорогу к счастью, сегодня еще минут пять изливала обиды и переживания. И я приняла ее слова и печали близко к сердцу. Меня почему-то только отец считал слабой беззащитной малышкой, остальные же видели боевую бабу, которая автокар на лету остановит, и парашют не нужен – грудь амортизирует…

В конце концов мы обе поплакали над своей судьбой горемычной, а после, заев горе шоколадом, успокоились. В этот момент в офис пожаловал наш начальник Ронан Кор, рольф. Причем непривычно мелкий, но опять-таки Любочка еще в первые дни знакомства просветила, оценив нашу схожесть и тут же одаривая меня своей благосклонностью и дружбой, что господин Ронан в детстве много болел, вот и не вырос. Шеф сиял ярче белого гиганта, я четко ощущала его благодушие и довольство собой и всем миром.

С того рокового дня, когда погиб отец, я полностью щиты не поднимала, стараясь контролировать общий эмоциональный фон. Хотя это и приносило дополнительные неудобства и трудности, зато научило жить таким образом. Разум просто отодвигал чужие чувства на задний план, воспринимая их жужжащим где-то в отдалении пчелиным роем.

Заметив нас с Любой, Ронан усмехнулся, кивнул в знак приветствия и подпрыгивающей походкой направился к себе в кабинет. У двери на мгновение оглянулся и попросил:

– Есения, как здесь закончите, – выразительно посмотрел на Любашу, – зайдите ко мне. У меня есть для вас интересная новость.

И прошел в кабинет, помахивая папкой, зажатой в руке. Я тут же с мольбой посмотрела на Любочку. Эта дамочка была в курсе всех секретов и событий нашей фирмы, но делиться своим достоянием с кем-нибудь не спешила. Сегодня мне повезло, причем в буквальном смысле. Оценив невысказанную просьбу в моих глазах, она театрально тяжело вздохнула, затем подозрительно осмотрелась вокруг – не слышат ли нас случайно немногочисленные сотрудники – и только после этого зашептала на ухо:

– Ты так поразила Ронана неделю назад своим талантом, что подвигла на невероятное решение. После того как заказчикам сдали твой проект и Кор заработал на нем кучу денег и тысячу хвалебных отзывов, он сделал запрос на Саэре, в твою академию. Сегодня утром пришел ответ. Тебя та-а-ак хвалили, дали первоклассную характеристику, но сетовали на внезапное исчезновение.

У меня вытягивалось лицо от чрезвычайно опасной новости, а Любаша продолжала:

– Короче говоря, Ронан давно подыскивал себе компаньона, а тут ты… Твоя характеристика сыграла главную роль. Он решил предложить тебе партнерство на паях. Конечно, твой пай будет пока минимальным, но…

Я больше не слушала: зашумело в ушах, а в душу лавиной ринулся страх. Люба не могла толком разглядеть на моем лице эмоции, кожа «задубела» из-за линьки и стала похожей на бесстрастную восковую маску. Она вдохновенно вещала о чем-то, а я лихорадочно подсчитывала, сколько у меня еще есть времени на побег. По предварительным расчетам выходило – немного. Сюда добиралась неделю, но зигзагами, запутывая следы, а если им будет надо – выпрямят путь.

За прошедшее время компетентные специалисты, возможно, уже выпотрошили корабль Малеха и папу проверили вдоль и поперек – вдруг осталась какая-нибудь информация, которую забыл стереть отец: данные, анализы и еще масса всего? Может, они знают, что надо искать, а может – даже уже и где, а я либо свидетель ненужный… Или нужный, что еще хуже… В первом случае меня просто убьют, во втором – пытать будут, а я не отец, сразу расскажу и… Все равно убьют…

Уже не слушая девушку, подхватила сумочку со стула и деревянной походкой направилась к выходу. В спину понеслись вопросы встревоженной Любы, но я ускоряла шаг. Не стала ждать лифта, побежала по лестнице, благо, офис на третьем этаже располагается.

Последний переход по длинному коридору, перекресток, откуда ведут два пути – к запасному и главному ходу. Я выскочила на него, но в этот момент столкнулась с четырьмя мужчинами в черных костюмах, состоящих из плотно облегающих курток и штанов, которые часто использовали служащие кораблей дальнего космического следования. Мужчины в первый момент опешили, увидев меня, но через мгновение в их глазах мелькнуло узнавание. Выходит, я пока не слишком сильно изменилась внешне. Я тоже их узнала, но не в лицо, а по эмоциональному фону.

Ближайший от меня мнак сильно сутулится – именно он тогда испытывал усталость и неприязнь к тому, что делал. Вот и сейчас морщит слишком курносый нос и часто дышит.

Сразу за ним суетливо переминается с ноги на ногу необычно высокий крепко сложенный чивас и черными глазами злобно смотрит на меня. Этот ненавидел все и всех.

Третий – среднего роста и сложения человек. У него нет совести или сожалений. Сейчас он испытал облегчение, встретив меня: видимо, устал рыскать в поисках и сейчас мысленно благодарит удачу.

И над всеми возвышается огромный четверорукий хейрол с головой, вросшей в плечи, – шея явно отсутствует. Его змеиные тупые глазки смотрят на меня с яростью и презрением. Хейролы – совсем недавно обнаруженная раса, как некоторые ученые высказываются, «свежая кровь старушки Вселенной». Их нашли пару сотен лет назад, когда их цивилизация даже не вышла за пределы своей звездной системы. Представители этой расы не обладают большими умственными способностями, зато агрессивны и сильны физически, идеально подходя в качестве бойцов и наемников. Вот и этот хейрол, чувствуется, силен как бык и – я сейчас поняла – был непосредственным убийцей папы. Кто настолько силен, чтобы швырять об стену здоровенного тсарека? Кто еще мог замучить его до смерти?

Я пришла в себя быстрее, чем они, и попыталась кинуться наутек, но меня поймали. Хейрол, схватив за шею, так приложил спиной о стену, что у меня дыхание перехватило. Чивас злобно прошипел в лицо:

– Что, птичка, долеталась? Пора пощипать тебе крылышки. Где вы со своим папашей спрятали инфу по крингам?

Выпучив глаза и не в силах даже вдохнуть – настолько сильно хейрол сжимал мое горло, – я могла лишь едва слышно хрипеть.

– Дарс, полегче. Она не может говорить, – тихо произнес мнак.

Хейрол зло передернул плечами и нижней рукой стукнул в стену кулаком рядом со мной. В том месте мангуй немного сжался, образовав выемку. Силу этого убийцы я оценила: если достанется таким кулаком – мало не покажется.

Рука четверорукого слегка разжалась, и я смогла сделать судорожный вдох… чтобы заорать во всю силу своих легких. В ответ получила тем же самым

кулаком в живот, от чего у меня потемнело в глазах и перехватило дыхание. Зато в коридоре начали появляться работники различных фирм, а еще мне повезло, что здесь недалеко располагается тренировочный зал по каким-то единоборствам. Люба часто туда заглядывала в надежде познакомиться с большим и сильным мужчиной, и, надо отдать должное идее, ей это удавалось. Вот и сейчас из-за поворота появился спортсмен, удивленно протяжно присвистнул, увидев нашу «композицию» – меня, такую «хрупкую», с бандитами вокруг, – и затем свистнул уже призывно.

Один из четверки – человек – полез в карман: за документами, скорее всего, пытаясь пояснить что-то, но люди (такая загадочная, фактически любимая теперь мною раса!) сначала бьют, а потом задают интересующие их вопросы. Так и сейчас – уже через минуту в коридоре происходил самый настоящий мордобой. Спортсмены вполне профессионально вколачивали уважение к даме в головы бандитов, но, боюсь, вряд ли им удастся это сделать. Тем не менее, хейрола отвлекли ударом кулака в челюсть – и я оказалась на свободе! Исход драки меня, по известным причинам, не интересовал: решила, что раз сама судьба дарит фору, нужно быстро покинуть гостеприимную планету. Хорошо, что научена горьким опытом – документы всегда со мной.

Уйти по-тихому не удалось. Меня схватил за волосы – кто бы мог подумать? – жалостливый мнак, чтоб ему пусто было, и потянул к себе, однако я сначала решительно двинула ему в пах каблуком, отчего он взвыл, но волосы не выпустил, затем сильно дернулась, оставляя в его кулаке приличную прядь. Хвала звездам, линька поспособствовала. Больше меня ничто не могло остановить – птичка выпорхнула из очередной ловушки, но долго ли это может продолжаться? И на что способна корпорация, если ее представители пошли на подобные публичные действия?

Глава 5

Наверное, так должна чувствовать себя куколка бабочки: хотелось только спать, есть и снова спать, а главное – не шевелиться. Но из всего перечисленного я решительно ничего не могла себе позволить. Спать некогда, есть скоро будет нечего (денег нет лишних), а шевелиться надо – иначе преследователи достанут. Я уже две недели скиталась по галактике, тратя деньги, которые уже

не утекали полноводным ручьем, превратившись в тоненькую струйку, но меня с неизменным постоянством – чуть раньше или чуть позже – находили. Боюсь, скоро мне просто не на что будет купить билет на очередной корабль, чтобы ускользнуть в неизвестность, или еду.

Проснувшись на жесткой узкой кровати хостела на очередной перевалочной станции, я тоскливо обвела взглядом комнатенку три на два метра – дешевле не бывает. Теперь я вынуждена считать каждый кредит. Отчаяние в очередной раз накрывало с головой мутной удушающей волной, заставляя тихо глотать слезы от безысходности.

На станцию ИР-154 я прибыла четыре дня назад, но пока так и не смогла найти работу: везде требовалось предоставить личные данные. Кроме того, на корабли в качестве технического персонала женщин не нанимали, да и другой работы не предлагали. В крохотном санблоке, в который с моими габаритами я пролезала только боком, я с отвращением уставилась на себя в зеркало и чем дольше смотрела – тем хуже становилось.

На меня глядела отвратительная рожа из фильма ужасов. Серая кожа облепляла лицо и тело, словно меня целиком обмазали плотным слоем глины с разбегающимися темными прожилками – сквозь них дышал мой организм. В дальнейшем, в процессе линьки, эти своеобразные «швы» начнут расходиться, а старая кожа – отслаиваться. Зрелище предстоит тоже не для эстетов, и в такие периоды тсареки предпочитали находиться дома, а не появляться в обществе, но в моем случае это недоступная роскошь.

Волосы на голове торчат коротким редким ежиком: я обрезала свои лохмы – все равно выпадали. Кожа на голове зудит, «одаривая» пренеприятными ощущениями: замена старых волос на новые идет полным ходом. Сейчас я похожа на одутловатого здоровенного зомбика в темную сеточку-кракелюр с горящими ярким синим пламенем живыми глазами и страдальчески кривившимися толстыми, как сардельки, губами. Оживший кошмар – словно утопленник вернулся из царства крибла. Хвала звездам, хоть без запаха. Пока прежний кожный покров не начнет трескаться, моего запаха никто не почувствует – можно на воде экономить, а то на этой космической станции за все дерут деньги.

Мысль, мелькнувшая в голове, застряла и взорвалась подобно снаряду. Мужик! Вот оно – решение проблемы. Стану мужчиной! Образование у меня

специфическое – должно помочь. И в таком виде меня та проклятая криблом четверка еще не видела.

Неожиданно возникшая идея заставила действовать. Пока я умывалась и чистила зубы, составляла план мероприятий. И первым делом необходимо будет раздобыть документы на имя мужчины. Иначе все остальное бессмысленно. На ИР-154 не было разделения на день-ночь, работа кипела стандартные космические сутки. Эта огромная станция располагалась возле небольшой планеты, жители которой обслуживали ее и поставляли необходимые ресурсы. Здесь же каждые несколько минут стыковались различного назначения и размеров корабли – военные и гражданские. Кто-то закупал топливо и продовольствие, кто-то набирал персонал, а то и целый экипаж. Кто-то занимался торговлей или обычной транспортировкой. Здесь была и медицинская служба с прекрасным оборудованием и квалифицированными медиками.

Жизнь на станции кипела, и лишь я выпала из общей суетящейся массы. Потерянная и испуганная, частенько трусливо бродила по пронумерованным улицам, где располагались офисы разных компаний, кафе, подобные моему небольшие хостелы и множество заведений различного назначения. Контрабанда и незаконные сделки тоже процветали, как я успела отметить.

Три дня потребовалось, чтобы обойти места специфического свойства и найти того, кто смог бы за деньги сделать «чистые» документы на имя Ея Бедного. Имя я выбрала автоматически, а вот фамилия на всеобщем звучала абракадаброй, но на языке тсареков именно так – лаконично отражая реальность. Дополнительно пришлось раскошелиться на имплант-лингвопереводчик для общения с представителями различных рас на межзвездниках, необходимый для осуществления задуманного. Если у меня его не будет, могут возникнуть дополнительные проблемы и вопросы со стороны работодателя. Лишь обзаведясь самым главным, я купила дешевую мужскую одежду, а то на имеющуюся в наличии вроде как женскую некоторые сильно косились. Следующим пунктом в плане у меня стояла служба трудоустройства станции. Цель – попасть на корабль. Здесь оставаться долго нельзя: поймают.

В своей комнатушке надела корсет, скрывающий грудь, точнее, уплощающий ее и сглаживающий изгибы. Теперь у меня появилась грудь колесом, но без женских изгибов. Округлые покатые плечи замаскировала скатанной жгутом простыней, намотав и закрепив под одеждой. Вниз не упадет – правда, желательно, чтобы меня вверх тормашками не трясли, а то фальшивые мужские

плечи отвалятся. Натянув толстый блейзер, жилет с множеством карманов и глубоким капюшоном, поправив штаны, под которые надела утягивающие леггинсы, критично осмотрела себя. Ну да, я своего добилась – на меня смотрел жуткий страшный мужик. Самой захотелось в рожу плюнуть, чтобы отпугнуть.

Неожиданно тяжело вздохнула, вспомнив маму. Меня до сих пор мучил вопрос: как… как она решилась? Да и как ей в голову пришло сменить пол? Ведь не зря же тсареки до первой линьки фактически бесполые: определяются, чья сущность ближе, а она в третьей захотела стать мужчиной. Поэтому сейчас печально смотрела на результат собственной попытки скрыть женственность. Никогда и ни за что не смогу изменить себя, не перестану быть женщиной или чувствовать себя ею. Мне приходится притворяться, но до глубины души противно участвовать в этом фарсе, помня о потухшем взгляде и отвращении, с которым отец встретил откровения мамы. Он не понял ее, не простил и даже более того – презирал до глубины души. А иногда, когда я надевала штаны, смотрел с тайным страхом. Наверное, поэтому растил таким изнеженным ранимым цветочком, чтобы заглушить страх потерять и дочь.

Прости, папа, сейчас мне жизненно необходимо так выглядеть. Но я навсегда останусь женщиной, даже если ненадолго придется притвориться мужчиной. По крайней мере, трансформироваться в мужчину даже ради выживания я не стану, да и не спасет меня это от преследования. Очень уж раса у меня приметная и малочисленная. А преследователи – могущественные, настойчивые и жадные до власти и денег.

Станция представляла собой огромный космопорт с деловым и своеобразным жилым секторами в центре, стыковочными терминалами для межзвездников на периферии. В блоке, предназначенном для пассажирских перевозок, располагался транзитный терминал, регистрационные посадочные стойки и зал ожидания. Там же размещалась и служба трудоустройства, потому что желающие найти работу здесь или в космосе прилетали именно сюда: ведь в силу каких-то обстоятельств не все могли сделать это на своей планете или жилой станции. Такие, как я, например.

Мои ботинки мягко ступали по пешеходной дорожке одного из тоннелей, ведущих к порту. Мимо проносились грузовые и пассажирские автоботы и погрузчики, сновавшие между терминалами и деловым центром. Вокруг сплошной металл и разновидность мангуя, от которых у меня остались не очень приятные воспоминания: знаю теперь, насколько все в мире уязвимо…

Тоннель закончился внушительной полукруглой площадкой со стенами и потолком из самого надежного прозрачного пластиформа, позволявшего защитить корпус станции от внешних угроз и вместе с тем визуально расширить пространство. Новички космических маршрутов и бывалые путешественники, ожидавшие рейс в транзитной зоне, имели возможность любоваться далекими звездами, метеоритами или наблюдать проносившиеся мимо корабли, которые стыковались со станцией или, наоборот, отойдя на расстояние, поражали воображение яркой голубой вспышкой перехода в гиперпространство.

Вместе с другими пассажирами я смотрела на очередную вспышку по пути в службу трудоустройства. Конечно, новый имидж – как я теперь думала о своей малопривлекательной личине – даст больше шансов найти работу на каком-нибудь корабле дальнего следования, однако не является гарантированным показателем успеха в данном направлении. Хоть многие расы настолько смешались, что ярко выраженной дискриминации по полу, внешнему облику и другим признакам не наблюдалось, но менталитет различных народов настолько отличается, что иногда скорее женщина получит работу, которую в другом месте ей бы даже не посмели предложить, а мужчина останется за бортом. Разность культур, мышления и обычаев позволяли любому нуждающемуся найти работу, если тот следовал правилам и дружил с законом.

Вот так, настроившись на положительный исход задуманного дела, я шла к цели, рассматривая из-под глубокого капюшона народ, суетившийся вокруг. И если бы упорно не покидавший меня страх нечаянно встретить здесь своих преследователей, я бы, возможно, крутила головой и удовлетворяла любопытство. Сейчас же лишь зыркала глазами по сторонам, надеясь, что все обойдется.

Служба трудоустройства встретила шумным гомоном на разных языках Вселенной, руганью, различными эмоциями и множеством запахов. Лично для меня не совсем приятными, слишком непривычными и раздражавшими тонкое обоняние тсарека.

В продолговатом зале с несколькими дверями, в которые по очереди входили и затем выходили желающие трудоустроиться, скопилось приличное количество претендентов. Сразу по прилете на ИР-154 я выяснила, что должна буду заполнить анкету со своими данными и заплатить пошлину за поиск работодателя. В свою очередь, последний тоже обязан оплатить пошлину при

подписании трудового договора с работником. Это общее правило для желающих работать в космосе, своеобразная защита от недобросовестных и непорядочных работодателей, впрочем, как и работников.

Решительно игнорируя косые взгляды и шквал многочисленных чужих эмоций, я заняла очередь и принялась ждать. Еще по дороге сюда перебирала в голове свои умения и продумывала ответ на вопрос о должности, на которую претендую. Но в мыслях сейчас творился такой сумбур, что я так и не определилась окончательно, надеясь на внезапное озарение. Через пару часов наконец подошла моя очередь, и я, судорожно вздохнув, шагнула в заветную комнату.

Квадратная комнатка-кабинка два на два, виртуальное табло главного компьютера зависло между посетителем и служащим, который, видимо, заносил в него данные вышедшего передо мной посетителя. Мужчина-человек в форме работника космопорта, не глядя на меня, сверял информацию с пластиковой личной анкеты с той, которую только что закончил заносить в общую сеть. По-прежнему не поднимая глаз, он протянул на мою половину разделяющего нас стола пластиковый лист, ручку и резко произнес:

– Побыстрее заполняйте анкету, пожалуйста. Это ускорит получение помощи в трудоустройстве.

Я почувствовала, что мужчина устал, и, несмотря на тон его голоса, посочувствовала ему. Тяжкая работа не столько физически, сколько эмоционально. Как я уже поняла, работая на Дерее, люди – тоже своеобразные эмпаты, способные воспринимать и чувствовать чужие эмоции на подсознательном уровне. Поэтому коротко кивнула и, проявив вежливость, тихо сказала: «Доброго вам дня, уважаемый!» Затем, взяв в руки анкету, я начала изучать, какая информация требуется от претендента, и тут же ощутила, как вслед за моим приветствием пришла волна легкого удивления и любопытства.

Быстро вписала свои новые личные данные. Их я вызубрила наизусть, во избежание глупых проколов. В пункте «пол» чуть не совершила ошибку, но в последний момент поставила галочку напротив «мужчина». Закончив с базовыми вопросами, зависла над специальностью. Коротко вписав «инженер», аккуратно положила анкету перед служащим, который, уже не скрываясь, рассматривал меня. На бейджике указано «Джим Месон – консультант».

Месон подвинул к себе анкету и, пробежав ее глазами, уточнил:

– На корабль дальнего следования?

Я кивнула, заглядывая в его усталые серые глаза. Он же продолжил задавать вопросы и, выслушивая мои ответы, вносил их в общую базу искавших работу.

– Вы готовы работать с любой расой?

– Да! Готов… – снова чуть не ляпнула «готова», но в последний момент удержалась.

– На любом судне? Военные могут входить в этот список?

– Да! Наверное…

Он смерил меня насмешливым взглядом и продолжил быстро отмечать новые данные.

– Лингво есть?

– Да, с расширенным списком языков! – От мужчины пришло уважительное удивление.

– Образование и специальность?

Я чуть застопорилась, но постаралась ответить твердо и уверенно:

– Высшая академия, планета Саэре в галактике Такран, инженерный факультет.

Решила не менять место учебы, чтобы не запутаться и не ошибиться в мелочах, если возникнут какие-либо вопросы. Служащий еще больше удивился: мое учебное заведение было довольно известным и выпускало хорошие кадры.

– Вы не приложили диплом к анкете. Почему?

– По личным причинам не смог закончить обучение, но специальность освоил в полном объеме, – я умышленно говорила тихо, пытаясь хоть таким образом изменить тембр голоса.

– Хорошо, пусть это остается на усмотрение работодателя – устроит его или нет.

– Понимаю, – ответила еще тише.

Джим Месон кивнул головой, но неожиданно успокоил:

– Не переживайте: академия дает хорошее образование, и даже без диплома вы являетесь ценным кадром.

Я с облегчением выдохнула, а мужчина продолжил более раздраженно – видимо, сам удивился, зачем успокаивал какого-то странного клиента.

– Должность, на которую претендуете?

Вот и добрались до самого сложного вопроса.

– Инженер!

– Область специализации? – Месон недоуменно взглянул на меня.

– Эм-м-м…

– Ну, кто вы? – Консультант уже начал раздражаться, поэтому хмуро выпалил: – Инженер программного обеспечения? Космическая сварка? Наладчик?..

– Я с оборудованием работал, настраивал и… – уже совсем потерянно ответила.

Месон тяжко вздохнул, сетуя на мою медлительность и наверняка уже предположив, почему я не получила диплом – мозгов не хватило…

– Значит, так и запишем – инженер-координатор монтажа. Какая категория?

Тут я подвисла: вообще темный лес, хотя с той специальностью, которую он предложил, я, в принципе, смогу справиться. Служащий уже испытывал неприкрытое раздражение, глядя на меня.

– Ну, первая… третья… пятая… седьмая?

Глядя в его злые глаза, просто кивнула в такт недоверчивому предположению, дойдя до седьмой категории. У мужчины чуть не выпали глаза от удивления. А я мысленно дала себе подзатыльник. Надо срочно выяснить, что за категории и как это отразится на мне.

Мейсон же окинул меня пристальным взглядом, тяжело вздохнул и сказал:

– Регистрация проведена. – Подвинул заполненную анкету для подписи, что я и сделала, возвратила лист, а он продолжил: – Срок действия нашего договора – две недели, за это время мы обязуемся устроить вас на работу либо вернуть уплаченную вами пошлину. Вам дается три возможности отказаться от предложенных вариантов, но при отказе уже от первого пошлина не возвращается. Договор зарегистрирован. Вы свободны. Просьба всегда быть на связи либо находиться в зале ожидания, чтобы вас могли сразу оповестить о возможном трудоустройстве.

Кивнула и тихо ответила:

– Хорошо, я в зале недалеко отсюда подожду.

Служащий снова окинул меня усталым взглядом и, тоже кивнув, нажал на кнопку, вызывая следующего. А я со своим экземпляром договора решительно направилась в свое временное пристанище. Предстояло собрать пожитки в походный рюкзак, потом обратиться в базу данных академии и скачать из библиотеки литературу не только по заявленной специальности, но и по сопутствующим направлениям. Таким, как пилотирование межзвездников и расположение приборов управления, структура и устройство кораблей различных классов и еще тонны информации. С чем не успею ознакомиться сейчас, то пригодится потом на корабле: по крайней мере, будет куда заглянуть, чтобы в дальнейшем качественно выполнять работу. Или хотя бы совсем не напортачить, а то… развалю корабль в открытом космосе…

Глава 6

С каждым днем тревога в душе и страх усиливались. Я нутром чувствовала – мои преследователи все ближе и ближе. За последние четыре дня уже, наверное, дыру протерла, сидя возле службы трудоустройства и каждую минуту ожидая вызова. Но зум молчал, зато знания о новой специальности неуклонно росли, прочно укладываясь в голове.

Благодаря трансформации все мои способности, умения и остальные ресурсы организма находились на самом высоком уровне. С помощью случайно запомнившегося пароля Маркуса я залезла в библиотеку и скачала на зум множество необходимой и весьма полезной информации. Уже пятый день, отрешившись от происходящего в порту, не замечая суеты и шума, абстрагировавшись от наплыва чужих эмоций и чувств, я упорно училась, запоминала прочитанное, мегабайт за мегабайтом заполняя ячейки своей памяти.

Сейчас мне хватало одного раза, чтобы запомнить то, на что в обычном состоянии ушло бы неимоверное количество времени. Опять же повезло, что я увлекалась техникой с детства, часто помогала с настройками приборов отцу и несколько раз вместе с ним ездила на раскопки. В полевых условиях можно многому научиться при желании. Тяжелее давалась информация по устройству стандартных кораблей дальнего следования. С более мелкими и маломощными разобралась быстро, а вот корабли класса «А», которые чаще всего используют военные или крупные транспортные компании, давались с трудом.

На пятый день мне сделали наконец первое предложение. Но старый сутулый мнак, увидев мою уже начавшую шелушиться морду и брезгливо поморщившись, тут же отказался подписывать со мной контракт, несмотря на то, что Джим Месон настойчиво убеждал его, что специалиста с такой категорией вряд ли повезет здесь найти. Еще бы, когда на эту захудалую станцию ненароком залетит специалист, способный установить и наладить практически всё – от пищевой установки до молекулярного расщепителя. Передернув плечами в отвращении, мнак ушел, а Джим Месон снова удивил попыткой оправдать несостоявшегося работодателя и успокоить меня, коротко пояснив:

– Этот господин работает на семью богатого промышленника, супруга которого внезапно решила переоборудовать свою прогулочную М-16. И, думаю, мнак, уже заранее предвидя реакцию своей хозяйки, по этой причине вам отказал…

Я кивнула пару раз, согласившись с его доводами, но неприятный осадок остался, потому что знала: мнак испытывал отвращение от моего вида, хотя в первый момент, пока не увидел моего лица, мысленно довольно потирал руки. Но винить этого мужчину было глупо – сама же каждый день, глядя на себя в зеркале, морщилась. Судя по темпам ороговения старой кожи и начавшемуся отшелушиванию, трескаться по швам она начнет недели через две, так что еще есть шанс оказаться где-нибудь очень далеко от галактики Такран. Три дня назад, ко всему прочему, появились боли внизу живота, означавшие начало подготовки организма к детородной функции. В общем, дополнительно к другим переживаниям и страхам я мучилась от физической боли, будь все неладно.

Месон, прежде чем удалиться, кинул на меня последний озабоченный взгляд: вероятнее всего, мысленно прикидывал, как бы меня пристроить куда-нибудь, ведь двухнедельный срок контракта скоро истекает и придется возвращать пошлину – соответственно, и он причитающееся вознаграждение потеряет. Я же, тяжело вздохнув, снова уселась на стул ждать назначения и учить теорию дальше.

Спустя семь дней денег осталось только заплатить за комнату еще за три дня и на двухразовую кормежку по полпорции от нормы. Я плохо рассчитала необходимый минимум питания, а злосчастная трансформация и усиленное обучение требовали колоссальных энергетических затрат, и есть хотелось гораздо больше, чем раньше. Вместо этого пришлось урезать питание, и очень скоро меня начнет покачивать от недоедания. Впрочем, постоянная зубрежка напрочь отвлекала от мыслей и о преследовании, и о еде, и о собственном самочувствии тоже.

За это время я смастерила новое приспособление для создания иллюзии широких мужских плеч. Вместо жгута из простыни сшила толстую манишку с плечами, которые дополнительно прикрепляла клейкой лентой к нательной одежде, и теперь они не сползали при неосторожном движении. И, главное, не стесняли рук и торса.

На следующий день мне сделали еще одно предложение о работе, но на сей раз я отказалась. Нанимателем оказался владелец, что называется, ржавой лоханки.

Еще сидя в зале ожидания, заметила, как она стыкуется со станцией, и подивилась, каким образом еще летает. Конкретно в этом случае сама побоялась. Откровенный пропойца-хозяин из рольфов и старпом – человек бандитской наружности с одним глазом – доверия нисколько не внушали. Если в наше прогрессивное время у одного не хватило денег на приличный биоимплант, значит, мне на зарплату у другого денег точно не найдется. Ну и знания могли подвести, ведь на таком судне надо быть реальным мастером на все руки, а я – срочно обучающийся инженер-монтажник. Да и стоит ли спасаться, чтобы добровольно сунуться в этот древний летающий гроб?

Месон мое решение принял внешне бесстрастно, хотя внутри одобрил всей душой, но легче от этого не стало. Ведь это была вторая возможность трудоустройства, осталась всего одна – последняя – попытка согласно контракту. Что потом будет со мной, если мне откажут в третий раз, не представляла, учитывая, что денег фактически нет. Вот и продолжала сиротливо сидеть неподалеку от службы трудоустройства и непрерывно зубрить.

Сегодня пришлось потратить последние кредиты на завтрак. Уже двое суток я безвылазно находилась в зале ожидания, потому что платить за комнату и питание больше нечем. Тайком подобрала со стола в портовом кафе чей-то недоеденный бутерброд и сейчас ела, запивая горькими солеными слезами от жалости к самой себе и от несправедливости бытия в целом. Наверное, даже накладные плечи поникли от тяжести невзгод, свалившихся на меня в последнее время. Делать нечего – бесконечно устав от напастей, но упорно читая лекции по монтажу и настройке оборудования, чтобы окончательно не свалиться в черную дыру проблем, я ожидала своего часа.

За полторы недели я уже многое узнала о заявленной специальности. Правда, гордиться этим фактом не могла: не столь актуальной и востребованной она оказалась, чтобы потенциальные работодатели кидались искать подобного специалиста на промежуточной станции. Как правило, команда складывалась в начальном пункте и, если возникала необходимость в подобных услугах, капитаны судов предпочитали подождать, нежели нанимать непроверенных специалистов. И только вот в таких форс-мажорных обстоятельствах, как у старого мнака из-за его взбалмошной хозяйки или выпивохи-рольфа с его развалюхой, срочно возникала необходимость искать работника, согласного на любое предложение.

Меж тем от бесперспективного и явно туманного будущего росла паника. Четыре дня назад я попыталась воспользоваться кредиткой, чтобы снять денег (на что только голод и отчаяние не толкнут!), но счет заблокировали. Таким образом, я оказалась словно в ловушке на космической станции, не имея возможности улететь отсюда или спрятаться где-нибудь. Меня точно найдут, проследив запрос о счете, – это лишь вопрос времени.

Вот я и наблюдала нахохлившейся птицей за суетой вокруг, выглядывая из-под капюшона. Неожиданно внимание всех находящихся в зале привлекла целая вереница гиперпространственных вспышек. Один за другим к станции приближались три крупных корабля. Теперь я уже могла различить их тип и вероятное назначение. Судя по всему, они принадлежат какой-нибудь крупной промышленной компании. Вдруг темноту за куполом вновь озарила яркая вспышка – из гиперпространства выплыл огромный военный корабль. Эта махина, похожая на пятипалую руку, вскоре заполнила собой весь прозрачный купол порта. Я почувствовала вибрацию, когда невероятных размеров межзвездник стыковался с его рукавом – словно рука молящего о милостыне протянулась к загадочному кораблю.

Рядом как-то даже азартно сплюнул на пол хромоногий чивас, который так же, как и я, просиживал здесь вторую неделю в поисках работы. Затем хрипловатым голосом, уважительно и с восхищением заметил, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Чтоб я сдох! Что здесь делают илишту?

– Илишту? – не выдержала я нахлынувшей волны любопытства и поинтересовалась: – Никогда не слышал о такой расе! И корабль похож на военный.

Чивас бросил на меня короткий взгляд, отметил мое изуродованное линькой лицо, но, судя по его эмоциональному фону, отвращения и презрения не испытал. Скорее жалость и маленькую толику любопытства.

– Я двести лет таскаюсь по Вселенной и многое повидал. Ты молодой еще, тсарек, – простительно не знать.

Он ухмыльнулся, заметив, что я начала сразу прятать свой белесый шелушащийся нос в шарф, намотанный поверх куртки. Похоже, он понял, что я удивлена и встревожена тем фактом, что он знает о моем происхождении. Но случайный собеседник продолжил рассказывать – ему нравилось делиться знаниями:

– Это, наверное, самая закрытая раса из всех, которые я знаю, или встречал когда-либо, или о которых просто слышал. Они живут далеко отсюда, и тем удивительнее и невероятнее их пребывание здесь. Что они тут забыли?! Илишту ненавидят чужаков, особенно женщин… Странный народ… Они чересчур воинственные и агрессивные, с ними мало кто решается связываться…

Внезапно чивас отвлекся. Наше внимание привлекли двое мужчин, взбудораженных отсутствием свободных вакансий, решивших размяться по этому поводу и сейчас на полу молотивших друг друга. До меня тут же дошли эмоции окружающих: презрение, злость, ярость и кураж. Кто-то, со скуки видимо, начал делать ставки на победителя. Из центра зала сюда уже спешили служители порядка, а я, нечаянно бросив взгляд на выход к одному из стыковочных тоннелей, замерла от прямо-таки фантастической картины, представшей перед глазами.

В нашу сторону направлялся гуманоид, одетый в светло-серый длинный плащ, наглухо застегнутый на груди, с глубоким капюшоном, из-под которого виднелись черные плотно прилегающие к глазам непрозрачные очки. Нижнюю часть его лица, включая нос и рот, прикрывала серая маска. Из длинных рукавов выглядывали ладони в темных перчатках. Этот весьма заметный мужчина – ростом не меньше двух с половиной метров – шел по залу, не отвлекаясь на осмотр «достопримечательностей», и представители других рас, толпящиеся в зале ожидания, сразу стали выглядеть рядом с ним мелкими и тщедушными. Очень-очень впечатляющий гигант стремительно шел вперед живым олицетворением вселенской мощи, и толпа услужливо расступалась перед ним. Полы плаща развевались вокруг уверенно ступавших ног, а он целеустремленно направлялся к службе трудоустройства.

Я ощутила всеобщее любопытство, потрясение и благоговение, похожие чувства испытывал и чивас, узнавший загадочный корабль. Закономерно было предположить, что это представитель загадочной расы илишту.

Не успела улечься общая эмоциональная буря, связанная с появлением таинственного незнакомца, как из двери своего офиса вылетел Джим Месон, а вслед за ним, словно впечатывая огромные ботинки в пол, шагал тот самый здоровенный мужчина. Месон, ростом ему по грудь, сразу отыскал меня взглядом и уже бежал буквально вприпрыжку, чтобы ему не наступали на пятки.

Еще не веря собственным глазам и ощущениям, я медленно встала, чувствуя, как от удивления у меня округляются глаза. Месон и незнакомец остановились напротив. В руках консультант держал мою анкету, я заметила новые данные, надписанные в уголке. Очень странно: обычно договор с работодателем подписывали в переговорной после собеседования. А здесь и сейчас…

Месон кинул короткий тревожный взгляд на незнакомца и подобострастно забубнил:

– Вот, господин Шеран Адива, тот самый паренек с требуемым уровнем доступа и нужной вам квалификацией.

На меня направили черные стекла очков, через которые невозможно было что-либо рассмотреть. Но я чувствовала взгляд и инстинктивно сжималась, стараясь занимать как можно меньше места в пространстве, – вдруг пронесет и подобное внимание направлено не на меня? Конечно же понимая, насколько глупо, наивно и опасно это даже предполагать.

Мужчина рассматривал меня слишком пристально, потом поднял ручищу в перчатке и скинул капюшон с моей головы. Чуть наклонил голову, наблюдая за моей реакцией, но ороговевшая кожа демонстрировала бесстрастную маску. Зато я выстрелила в него яростным взглядом. Сразу почувствовала волну чужого презрения и недовольства, но, как через несколько мгновений выяснилось, направленную не на меня. Черные очки уставились на Месона, который сразу втянул голову в плечи.

– Вы шутите? – Месон отрицательно качнул головой, а великан в сером продолжил сомневаться: – Вы хотите сказать, что это именно тот специалист, который мне требуется?

Месон согласно кивнул. Затем поторопился с объяснениями, видимо, уже повторно озвучивая мои анкетные данные.

Незнакомец испытывал злость и презрение ко мне и вообще был очень недоволен. В нем буквально клокотала ярость, и это было чревато! Выслушав Месона, он снова уставился на меня как на насекомое и зло спросил:

– Других точно нет?

Консультант, чувствуя, что его позиции укрепляются, а клиент вот-вот готов сдаться, твердо и уверенно ответил, при этом заставив внутренне напрячься меня:

– С такими требованиями, как у вас, точно нет. Другие… хм-м… отказались.

Шеран Адива, услышав ответ Месона, быстро повернулся ко мне, а я почувствовала его новые эмоции. На меня сейчас смотрел хищник, явно раздумывая, какая из меня выйдет добыча – сильно буду сопротивляться или нет? Пробормотав ругательство, любезно переведенное моим лингво, выдавил:

– У него хоть переводчик есть?

– Есть, – ответила сама, не без ехидства. – И мои родственники до седьмого колена в ваших проблемах не виноваты.

Шеран явственно хмыкнул в маску, затем коротко сказал:

– Я согласен. Заключаем договор, у нас нет времени на вашу канитель.

По ощущениям, Месон ликовал, я же напряглась еще сильнее, задаваясь вопросом: почему другие отказались от такого предложения? Уставившись на него, попросила:

– А можно обозначить для меня условия трудового договора?

Теперь оба замерли, сканируя меня взглядами, занервничали. Консультант, тщательно подбирая слова, начал пояснять:

– На военный корабль илишту срочно по требовался координатор-монтажник. Одного не хватает. Так что на подхвате будешь, но они изначально требуют самого квалифицированного из имеющихся и с высоким доступом: ювелирная работа и точная настройка… Понимаешь, срок работы длительный, плюс военный корабль… дисциплина… Пункт назначения не указан… Место и срок окончания договора оставляют открытыми. Но оплата высокая – в два раза выше, чем на любом другом корабле можно за работать.

Хмыкнула. Да уж, договорчик мне предложили – путь в никуда… С другой стороны – что я теряю? Есть мне уже нечего, жить негде и… Но тот чивас сказал, что илишту женщин ненавидят, а как же я?.. Трансформация скоро пройдет, и выяснится, что я самая что ни на есть женщина. Что будет?

Я еще думала, когда заметила знакомую четверку, выходящую из стыковочного тоннеля. Похоже, убийцы прилетели на одном из тех трех кораблей, которые вышли из гиперпространства перед илишту. Меня еще не видели, да и пока вряд ли узнают, но очень скоро смогут вычислить и поймать. Если я останусь здесь…

– Питание за ваш счет? – быстро спросила у Шерана. Тот, презрительно хмыкнув, кивнул. – Где подписать договор, господин Месон?

Консультант расслабился и, довольный результатом, протянул мне документы. Один пластиковый экземпляр с подписью достался мне (выяснилось, что Шеран служит старшим помощником капитана, правда у них эта должность называлась командором), второй – ему. Дополнительно наши подписи сканировали в планшет Месона, и тот на радостях поспешил удалиться, поздравив нас с удачной сделкой. Илишту повернулся ко мне и строго спросил:

– Сколько вам потребуется времени, чтобы собраться? Мы очень спешим…

Я не удержалась и, проводив взглядом убийц отца, спешащих к стоянке автоботов, по всей видимости, с намерением следовать в деловой центр станции, выпалила, вновь задирая голову вверх, чтобы посмотреть на гиганта:

– У меня все с собой! Можем отправляться прямо сейчас.

От Шерана пришло мимолетное удовлетворение, а затем уже я вприпрыжку понеслась за ним, стараясь не отставать от широко шагавшего илишту.

Здоровенный, зараза. Зато впервые столкнулась с тем, что чувствую себя рядом с мужчиной маленькой и слабой.

Глава 7

Мы несколько минут шли по туннелю к стыковочному терминалу, а вокруг бушевали десятки различных эмоций, сопровождавших нас, стоило встретить очередного представителя обслуживающего персонала или праздно шатающегося пассажира.

У меня внутри кипела дикая смесь собственных чувств. Страх – из-за того, что опять оказалась рядом со своими преследователями: еще чуть-чуть и схватили бы. Без сомнений. Облегчение – мне несказанно подфартило именно сейчас получить работу и спешно покинуть станцию. И конечно, я была немало озабочена: слишком уж корабль илишту незнакомый, огромный, а главное – военный. Моих скупых знаний вряд ли хватит на его обслуживание. Немного успокаивало обстоятельство, что я там буду скорее на подхвате, да зум на запястье, под завязку забитый необходимой информацией. Но все равно боялась, что мою профессиональную несостоятельность вмиг раскусят и, чего доброго, выкинут в открытый космос. Тем более договор, который я подписала, слишком расплывчатый…

Пугала дальнейшая неопределенность, общение с представителями совершенно незнакомой расы, особенно тот факт, что я – женщина, и довольно скоро секрет может раскрыться. Когда ороговевшая корка начнет трескаться и отпадать, скрывать истинную половую принадлежность перед илишту станет чрезвычайно сложно.

Однако наряду с терзающими сомнениями и страхами поднималось неуверенное любопытство и восторженный трепет. Если бы моя жизнь сложилась иначе – наверное, до конца своих дней прожила бы на Саэре, лишь изредка путешествуя. Пока я убегала, переходя с одного корабля на другой, меня не интересовали планеты или станции, через которые приходилось следовать, потому что все время чувствовала себя загнанной добычей, которой хищники дышат в загривок и вот-вот вцепятся клыками. Сейчас же, едва поспевая за уверенно двигающимся вперед гигантом, я чувствовала себя впервые за

несколько дней отчасти в безопасности. Что ж, попробую найти в этой ситуации положительные моменты. Во-первых, удалось сбежать буквально из-под носа преследователей, да еще при полном отсутствии кредитов, во-вторых, представилась уникальная возможность побывать на военном корабле столь закрытой загадочной расы, поработать бок о бок с ними. Я готова приложить все силы, чтобы не подвести их, тем более от этого зависит моя жизнь.

Свернув в очередной переход, мы вышли к большой площадке, от которой отходил рукав, ведущий, скорее всего, к шлюзовой камере корабля илишту. Шеран Адива на мгновение повернулся ко мне, вновь заставив ощутить легкую нервозность из-за непрозрачных стекол очков, направленных на меня.

– Ты – тсарек, верно? – Услышав сухой резковатый голос, немного приглушенный маской, я согласно кивнула, а илишту продолжил спрашивать: – У тебя явно линька. Какой этап?

Ого, он неплохо осведомлен о физиологии тсареков! Удивительно: ведь мы стали редким видом. Я, конечно, испугалась – вдруг захочет проверить, какого я пола, но смысла скрывать не видела:

– Второй, господин Адива! Я половозрелый совершеннолетний тсарек.

Наверняка мужчина окинул меня взглядом под черными очками. Потом спросил более настойчиво:

– Почему ты здесь искал работу? Консультант сказал, у тебя первоклассное образование, даже с учетом отсутствия диплома…

Ожидаемый вопрос – думаю, спрашивать не стал бы лишь тот пропойца-рольф с ржавого корыта. Именно поэтому ответила максимально честно:

– Мой отец попал в не очень хорошую ситуацию. Его убили, а я не смог оставаться дома. Там слишком многое напоминало бы о единственном близком существе. Сначала путешествовал, что бы забыться, потом сам не заметил, как закончились кредиты. Пришлось искать работу… здесь.

Илишту отвернулся. Из-за маски, очков и глухой одежды кому-то было бы невозможно определить: поверил он или нет. Но я тсарек и к тому же эмпат. Шеран не очень-то поверил, но мой ответ его удовлетворил. Видимо, профессионал нужен чуть больше, чем истинная причина поисков работы.

Мы пересекали площадку, когда я не удержалась и спросила:

– Скажите, а это правда, что вы женщин… хм-м… не любите?

Совершенно неожиданно Шеран хмыкнул, от него пришли злость и почему-то страх… легкий, застарелый.

– Тсарек, я знаю, что означает в вашем понимании это слово. В нашем словаре такого понятия нет. Запомни, парень, – любви без гордости не бывает! – вот так, непонятно ответив на мой вопрос, илишту добавил загадок о своем народе.

Пожав накладными плечами, я побежала за Шераном, стоило тому чуть ускориться, поэтому рукав мы преодолели быстро.

Возле шлюза нас ожидали два илишту, внешне похожих на старпомов – таких же рослых и внушительных. Стоило им разглядеть меня, я почувствовала очередную, совсем неслабую, волну презрения и отвращения. Самое удивительное – их чувства не были вызваны моим внешним видом, вернее, не трансформация была тому причиной. Один из них поднял лицо и почтительно спросил у старпома:

– Эсар Адива, неужели этот бледный, волосатый, женоподобный мертвяк – то, что нам нужно?

Шеран хмыкнул, внутренне соглашаясь с сослуживцами – это четко ощущалось. И представил меня:

– Да, эс. Это наш новый координатор-монтажник эс Есь Бедный! И поосторожнее в выражениях. У нового члена экипажа имеется лингво с расширенным спектром языков. Как ни удивительно, наш тоже есть.

Эс не испытал смущения, узнав, что оскорбил меня. А я тем временем переваривала слова, которые, как считал Шеран, должны были меня оскорбить, – бледный и волосатый… И их обращение друг к другу тоже отметила. Вот повеселюсь, когда они будут ломать языки, называя меня «эс Есь»!

Шеран, проходя в шлюз корабля, поднес руку ко рту, видимо, под рукавом у него зум для связи, и отдал приказ:

– Все, отбываем! Задача выполнена, мы на борту. – Мне показалось странным, что он подобным образом общается, обычно гарнитура на ухо крепится.

Оба илишту проследовали за нами, и автоматические двери сразу отрезали меня от прежней жизни. Стало жутко, даже появилось желание выскочить наружу. Жаль, нельзя!

Характерный звук подсказал, что корабль загерметизирован. Мы вчетвером прошли по пандусу наверх, покинув эвакуационную зону, и, ступая по полу со специальным нескользким покрытием, вышли в соседний отсек. Там работали два илишту, находившиеся довольно близко ко мне, и я замерла, откровенно вытаращившись на них, – никогда не видела такое чудо.

Мужчины в светло-серых спецовках обслуживающего персонала с цветными нашивками на груди. Высокие, но ниже Шерана и встречавших нас, без плащей, масок и очков, скрывающих темно-коричневую, словно полированную гладкую кожу, без единого волоска на голове. Острые, похожие на звериные, уши расположены гораздо выше, чем у ранее встречавшихся мне гуманоидов. Уши еще и подвижные: у одного из рабочих они нервно подергивались при взгляде на Шерана. У обоих илишту выпуклые лобные доли и безволосые надбровные дуги. Удивительно! Хотя, конечно, разные расы зачастую имеют свои особенности. Но все же в галактике Такран и на Саэре проживают в основном расы с общими морфологическими признаками, поэтому мне было непривычно видеть лысые гладкие блестящие головы и внушительные носы с широкой переносицей. Кроме того, у обоих илишту сильно выступающие подбородки и толстые губы. Похоже, я – сейчас «красивая» до безобразия – здесь не особо выделяться буду. Только бледностью и волосатостью, как недавно заметили. А вот глаза у них очень странные, словно по паре кусков зеркал в глазницах: настолько странно отражался свет.

Пока я рассматривала илишту, Шеран снял плащ, очки с маской и быстро пошел по коридору. Мне ничего не оставалось, как поторапливаться за ним, про себя отмечая, что затылок у него лысый и гладкий и черный, как сартор. Под плащом оказались светло-серый форменный китель и облегающие штаны, заправленные в крепкие короткие сапоги. При внушительном росте мужчина не выглядел массивным, скорее – стройным и мускулистым. Светлый тонкий китель выгодно облегал тело, позволяя рассмотреть фигуру, от которой веяло силой и уверенностью, заодно сделать вывод: этот индивидуум опасен – и, судя по нервозности тех служащих, не только для меня.

Двое наших сопровождающих незаметно исчезли, словно растворились – или я настолько увлеклась и не заметила? – а навстречу нам по широкому коридору спешил еще один илишту, но с более светлой кожей, цвета молочного шоколада. Приблизившись на расстояние в один шаг, остановился, вытянувшись в струнку, кивнул, приветствуя Шерана. А я потрясенно уставилась ему в глаза – огромные зеркальные омуты. На мгновение показалось, что если загляну в них, то увижу себя в мельчайших деталях. Вместо зрачков и радужки в них словно сияли невероятной прозрачности бриллианты, заполняющие глазницы. Ошеломляюще!

Мужчина, едва взглянув на меня, выпалил:

– Эсар Шеран, эс Фисник по вашему приказу прибыл.

Старпом молча обернулся ко мне, и я не сдержала восторженного «ах». Его бриллианты оказались еще больше и ярче, в несколько раз превосходя сиянием глаза более светлого илишту. И – да, я увидела в них себя, словно раздробленную на кусочки множественными отражениями невероятного зеркала. Конкретно: свою потрясенно вытянутую физиономию, несмотря на жесткий ороговевший слой, исключавший мимику.

Лицо Шерана Адивы оказалось более симпатичным, чем у тех двух илишту в комбинезонах, но в то же время более хищным и пугающим. Сейчас оно скривилось в хмурой гримасе. Старпом не искаженным маской голосом прорычал надо мной:

– Хватит пялиться, тсарек. Еще успеешь насмотреться. Сейчас – к делу. Эс Фисник, этот инженер теперь ваш помощник. Свою задачу вы знаете, введите его в курс дела.

Наши ответы ему не требовались. Шеран, перехватив свой плащ, уверенной походкой пошел дальше. Я же вновь занервничала, оставшись наедине с илишту, который будет моим непосредственным руководителем. Фисник окинул меня критическим взглядом, вновь поразив невероятными глазами, и чуть устало произнес:

– Я – эс Фисник Лека. Лингво есть? Понимаешь наш язык или мне придется мучиться на все общем?

– Есть, с расширенным спектром и вашим тоже, – поспешила его заверить, – но отвечать могу только на всеобщем. Со временем, думаю, научусь говорить на илишту… если поработаю с вами определенное время.

Фисник облегченно усмехнулся, а я неожиданно почувствовала его удовлетворение и расположение. По крайней мере, презрения и отвращения от него не исходило, давая малюсенькую надежду на нормальное сотрудничество.

– Тебя как зовут? И вообще, пока идем в выделенную тебе каюту, расскажи о себе.

Он повернулся и пошел по коридору, а я устремилась за ним, рассказывая тщательно отрепетированную легенду и осматривая окружающее пространство. Все встречавшиеся нам члены экипажа были темнокожими, но разных оттенков, и чем темнее, тем большее презрение и отвращение я у них вызывала. Эту загадку решила отложить на потом. Сейчас важно устроиться на корабле и главное – поесть, а то мутит уже от голода, даже новые впечатления не спасают.

Переборки многочисленных коридоров и, как вскоре выяснилось, моей каюты были сделаны из аналога мангуя. Фисник специально не воспользовался лифтом, а повел меня пешком, чтобы показать корабль. Мой наставник по дороге рассказывал о его внутреннем устройстве:

– Жилая зона – центр корабля – разделена на три части согласно статусу и рангам. Высшие должностные лица – эсары – занимают комплекс на верхнем уровне. Средние – эсины, соответственно, живут на средних палубах. Остальные – эсы – размещаются на нижних палубах. Ты, Есь, не переживай: быстро освоишься на нашем корабле. Планировка у нас гораздо более продуманная и

удобная, чем на межзвездниках других стран и планет.

Когда мы спустились на шесть этажей вниз и подошли, наверное, к самой дальней каюте в этом коридоре, я рискнула задать вопрос:

– Большая здесь команда?

– Как на любом стандартном военном корабле этого класса – триста двадцать.

Я изумилась и переспросила:

– Так мало? Он же огромный… Обычно бывает гораздо больше.

Фисник усмехнулся, активировал панель входа и, пока дверь отъезжала в сторону, ответил:

– У каждого своя специфика. Наш корабль – разведывательная единица либо спасательная… как сейчас. Всякое случается!

Мы зашли внутрь каюты, и я, несмотря на аскетичность обстановки, молча возликовала – помещение для одного жильца! И только самое необходимое: небольшой столик, стул, кровать, рассчитанная на огромных илишту, так что для меня, можно сказать, королевских размеров, санитарный блок и рядом с ним шкаф для вещей. Вся мебель трансформируется, складывается и убирается в переборку. Что мне и продемонстрировал эс с комментариями. И последним было:

– Все остальное, в частности средства визуализации, здесь заблокированы, сам понимаешь. Ты не илишту. И честно говоря, в ближайшее время будет не до развлечений. Душ ионный, вода в санблоке по замкнутому циклу. Питьевая в специальном резервуаре.

Я кивнула, положила свою сумку-рюкзак в шкаф, откинула капюшон и спросила:

– У вас спасательный рейд?

Фисник окинул меня изучающим блестящим взглядом и только после этого ответил, причем я по-прежнему ощущала его некоторую душевную усталость, любопытство и расположение:

– Да, эс Есь. Неожиданно поступило сообщение о крушении корабля… Наши женщины совершали араш на Харт. Неизвестно, что произошло. По последним данным, они в системе Нэда совершили экстренную посадку. Наш корабль – ближайший, способный провести спасательную операцию и к тому же разместить такое количество женщин на борту. Нам с тобой предстоит подготовить отсек для анабиозных капсул. Все оборудование, кабели, настройка и еще множество текущих дел…

Я в шоке села на кровать, потом неожиданно высоким голосом спросила:

– А где ваш второй помощник?

Фисник зло подвигал нижней челюстью, и я в еще большем шоке заметила, как блеснули его желтоватые клыки. Точно звери!

– Этот несчастный думал убежать от судьбы. Ведь знал, что для него все кончено, но, никому не сказав о случившемся, ушел с нами в рейс. В итоге сошел с ума. Пришлось эвакуировать его с корабля. Никто же не предполагал, что такая ситуация случится! Теперь и мы по краю ходить будем, – последнее Фисник уже в запале сказал. Я, как и у Шерана, ощутила его застарелый противный страх и странное томительное ожидание чего-то, а он продолжил. – Поэтому, Есь, нам надо тщательно проверить, установить оборудование, чтобы ни одной осечки не случилось, если придется использовать корабль для перевозки женщин.

Я лишь кивнула. Раздражение на своего помощника, непонятные страх и злость – все эти чувства предупредили меня, что пока к Фиснику лучше с вопросами не лезть. Но о насущном осторожно поинтересовалась:

– Скажите, эс Фисник, а когда можно будет поесть? – И сразу предложила: – Мы могли бы после обеда пройти по кораблю, чтобы я заранее ознакомился с ним и с нашей общей теперь задачей.

Мужчина быстро успокоился, кивнул и жестом позвал за собой, строго предупредив:

– Сегодня тебе еще можно в своей одежде ходить, но с завтрашнего дня ты – член экипажа. У нас строгая дисциплина и обязательная форма. Сходим чуть позже в хозблок, получишь пару комплектов, как у меня. Свои тряпки можешь убрать, они тебе долго не понадобятся.

Глава 8

Оставив сумку с вещами в каюте, я рванула следом за Фисником в столовую, располагавшуюся между палубами среднего и высшего должностного состава. Пожалуй, здесь можно еще больше похудеть, если придется постоянно бегать за рослыми длинноногими и стремительными мужчинами.

Пока мы шли в вожделенное заведение, каждый встречный и поперечный уже привычно одаривал меня презрительным «бриллиантовым» взглядом, заставляя ниже опускать глаза, а не пялиться на илишту любопытным взглядом. Казалось, даже мои накладные плечи поникли. Ох, и тяжело же будет здесь работать. Даже не физически, а эмоционально. Но выбора нет…

Усилием воли отодвинув чужие эмоции на задний план и тем не менее не поднимая щиты – мало ли что! – я старательно запоминала дорогу в столовую. Теперь это самый важный маршрут, как радостно сообщил мой порядком измученный от голода желудок в предвкушении пищи.

Приличных размеров прямоугольное помещение встретило нас с наставником гулкой тишиной, стоило войти. Вместо привычных столов и стульев я увидела несколько ровных рядов белых стоек из пластиформа, за которыми стояло множество илишту в форме и пристально разглядывало меня. Молча. С презрительным любопытством, не более того. Если бы не голод, аппетит бы точно пропал, но сейчас меня меньше всего беспокоило, кто и как смотрит, вернее, есть хотелось гораздо больше, чем задумываться над причиной всеобщего презрения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/olga-guseynova/kogda-net-vybora

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить